

ЛЕОНИД ПЛАТОВ

СТРАНА СЕМИ ТРАВ

СИБИРСКИЙ
ПРИКЛЮЧЕНЧЕСКИЙ
РОМАН

Сибирский приключенческий роман

Леонид Платов

Страна Семи Трав

«ВЕЧЕ»

1954

Платов Л. Д.

Страна Семи Трав / Л. Д. Платов — «ВЕЧЕ»,
1954 — (Сибирский приключенческий роман)

ISBN 978-5-4444-9059-4

В руки ученых попадает загадочный документ с призывом о помощи, написанный на бересте. Судя по всему, разгадка кроется где-то в самом сердце Таймырского полуострова, в горах Бырранга. Специальная экспедиция направляется в район таинственного «белого пятна», куда никогда еще не проникали люди... Широко известный роман, давно полюбившийся поклонникам приключенческой литературы.

ISBN 978-5-4444-9059-4

© Платов Л. Д., 1954

© ВЕЧЕ, 1954

Содержание

Клубок нити	6
Часть первая	8
Глава первая. В Москве проездом	8
1	8
2	10
3	12
Глава вторая. Кто такие «дети солнца»?	15
1	15
2	16
3	18
Глава третья. Закольцованный гусь	22
1	22
2	23
3	25
Глава четвертая. Жив?.. Умер?.	27
1	27
2	29
3	32
Глава пятая. На Таймыр!	34
1	34
2	35
3	39
Глава шестая. Киносеанс в тундре	42
1	42
2	43
3	45
Глава седьмая. Очевидец	48
1	48
2	51
Глава восьмая. «Доброе дерево»	55
1	55
2	57
3	60
Глава девятая. В краю миражей	61
1	61
2	62
3	64
4	66
Конец ознакомительного фрагмента.	67

Леонид Платов

Страна Семи Трав

© Платов Л., наследники, 2017

© ООО «Издательство «Вече», 2017

© ООО «Издательство «Вече», электронная версия, 2017

Сайт издательства www.veche.ru

Клубок нити (Вместо пролога)

По-разному можно начать эту повесть.

Можно начать ее с Музея народов СССР, где в третьем от входа зале (налево) висят на стендах разнообразные предметы: зазубренный наконечник стрелы из рыбьей кости, обломок лыжи, нагрудный амулет в виде маленького солнца, два круглых кожаных щита, просторная кожаная рубаша с нашитым на подоле орнаментом и обрубок дерева с тем же орнаментом – три красных кружка, три черные линии и снова три кружка.

Посреди зала стоит в ряд несколько витрин. Под стеклом хранятся четырехугольные куски бересты. Они исписаны чрезвычайно мелким, убористым почерком, вдобавок с частыми сокращениями слов. Писавший, надо думать, был вынужден экономить бересту, которая заменяла ему бумагу.

Каждый такой кусок аккуратно занумерован и снабжен подробными пояснениями, напечатанными на пишущей машинке.

Если любознательные посетители пожелают дополнительных разъяснений, то могут обратиться к научному сотруднику музея, невысокому старику в очках, который обычно работает тут же за маленьким письменным столом в углу. Он немедля, с большой предупредительностью отодвинет в сторону свою рукопись и, прихрамывая, поведет посетителей вдоль стендов и витрин.

Прежде всего сотрудник музея, конечно, покажет чучело дикого гуся, которое помещается у самой двери и потому редко обращает на себя внимание. Между тем именно благодаря этому неказистому серому гусю музей пополнился перечисленными выше экспонатами...

Повесть, впрочем, можно начать по-иному.

Можно короткими резкими штрихами набросать пейзаж. Берег сумрачного холодного моря. Вечер. Издали, от черты горизонта, набегают пенящиеся волны. Солнце висит очень низко – на него можно смотреть не шурясь.

Вдоль берега гуськом идут люди в оленьих шкурах. Некоторые присаживаются у самой воды, зачерпывают ее горстями, пробуют на вкус. Очень удивляет, что она так солонa.

Вдруг сидящие на корточках выпрямляются. Что это? Тюлень? Голова тюленя?

Какой-то круглый предмет подплывает, покачиваясь на волнах.

Несколько человек стремглав кидаются в воду, спешат навстречу, подхватывают предмет. Это шар из стекла. Отразив лучи заходящего солнца, он неожиданно вспыхивает в вытянутых руках, как зажженный светильник...

Но можно начать и с другой удивительной находки.

Те же угрюмые, безостановочно набегающие от горизонта волны. Берег такой же безотрадный, но еще более пологий, и солнце стоит гораздо выше над волнами. (Сейчас лето, а не осень.)

Плывут по морю стеклянные шары-поплавки. Это так называемые гидрографические буи, которые странствуют по всем закоулкам Арктики, разведывая морские течения.

На берегу у бревенчатых построек полярной станции толпятся зимовщики. Только что закончен спуск буюв. Вслед им внимательно смотрят в бинокли.

И вдруг волнение охватывает зимовщиков. Возле плывущих стеклянных буюв замечен какой-то новый буй – чужак! Стайка шаров сбилась вместе, а посередине торчит кусок дерева, обтесанный очень грубо, видимо наспех.

Тотчас же спускают шлюпку.

Обрубок извлечен из воды, доставлен на берег. Смотрите-ка! Он мечен непонятными разноцветными значками! В нем что-то спрятано. Ну так и есть! Вот паз! Вот следы смолы!

Чуть дыша, вдвигают лезвие ножа в узенькую щель. Крышка приподнимается... Все видят лежащие внутри мелко исписанные четырехугольники бересты...

Да, можно по-разному начать рассказывать эту историю, в которой играют большую роль и шар из стекла, и пестро окрашенный обрубок дерева, и дикий гусь, прилетевший с Севера!

Мне самому представляется она чем-то вроде клубка – стоит лишь осторожно потянуть за одну из нитей, чтобы клубок начал постепенно, не очень быстро разматываться...

Однако в любом научном открытии, признаюсь, меня больше всего привлекает открыватель, иначе говоря, не проблема, а человек, занимающийся проблемой, живущий ею, готовый для решения ее в огонь и воду.

Поэтому, пожалуй, надо начинать с Савчука: на время отодвинуть стеклянные поплавки и зазубренные наконечники из рыбьей кости (еще придет их черед!) и описать нашу встречу на вокзале...

Люблю вокзалы! Быть может, люблю их потому, что сам я по профессии человек дорожный, разъездной. В каюте, в вагоне, в кабине самолета чувствую себя куда веселее, чем дома, за столом, перед громоздким и сумрачным письменным прибором.

Мне нравится на вокзалах царящее там настроение общей приподнятости, взбудораженности. По-моему, даже на короткий срок ощутив себя путешественниками, люди делаются добрее, непосредственнее, приветливее. Мне нравится волнующий, острый запах угольной пыли и гудки маневровых паровозов, перекликающихся вдали, настойчиво зовущих за собой.

Два магических слова: «Снова в путь!» – преображают для меня все вокруг.

Становятся симпатичными не только солидные пассажиры дальнего следования, неторопливо вышагивающие со своими чемоданами, но даже суетливые дачники, которые озабоченной трусцой, помахивая авоськами, пробегают по перрону. Это, бесспорно, самые взволнованные люди на вокзале. Ехать им обычно не дальше Клязьмы или Тарасовки, а вид у них такой, словно спешат наперегонки открывать оставшиеся на их долю неоткрытые земли в Арктике...

Итак, вокзал, один из многочисленных московских вокзалов, имеющий два наименования – Ярославский, или Северный!..

Часть первая

Глава первая. В Москве проездом

1

Никто не встретил меня на вокзале.

Впрочем, и некому, собственно говоря, было встречать. Лиза находилась в командировке – странствовала с группой геологов где-то в Сибири, в районе Нижней Тунгуски. Отсутствовал в Москве также Андрей – зимовал на мысе Челюскин.

Досадно, конечно! Ведь я в Москве, можно сказать, проездом, задержусь от силы на два-три дня, пока оформят путевку, а потом на юг, в Сочи, в Сочи!..

– Счастливо добраться до Сочи! – раздалось за моей спиной. – Отдохнуть... Загореть!..

Я обернулся, чтобы поблагодарить на добром слове своих попутчиков, но толпа двинулась к выходу и разделила нас. Веселый моряк, ехавший со мною от самого Хабаровска, помахал издали рукой, забавно надул щеки и сделал кругообразный жест перед лицом. Я понял: он желал мне поправиться в Сочи.

Сплошным потоком двигались по перрону зимовщики, моряки, пограничники, золотоискатели, лесорубы и геологоразведчики. (Представители этих романтических профессий прибывают в Москву, как известно, через северные ее ворота – Ярославский вокзал.)

У себя, на Земле Ветлугина, я отвык от тесноты. Так получилось, что, протискиваясь к выходу со своими чемоданами, я нечаянно толкнул одним из них высокого и толстого человека средних лет, который стоял, как столб, среди колышущейся толпы и что-то с глубокомысленным видом записывал в блокнот.

– Извините, пожалуйста!

– Ах, это вы! – довольно спокойно сказал он, поднимая голову. – А я встречаю вас.

– Как? Меня?

– Да. Я Савчук.

Савчук?.. Ну конечно! Раза два или три, помнится, я видел его у Лизы.

– Ни за что не узнал бы вас, – признался я, пожимая ему руку. – Вы стали таким массивным. Отрастили брюшко...

– Сидячая жизнь, – пробормотал Савчук, стыдливо запахивая пальто, из-под которого достаточно явственно выпирал живот. – Целыми днями в музее, за письменным столом...

– Но у вас оригинальная манера встречать, – пошутил я. – Не задень я вас чемоданом...

Савчук отвел глаза в сторону.

– Пришла, понимаете, в голову одна мысль, вытащил блокнот, чтобы записать, и...

Он выхватил у меня из рук чемодан.

– Нет, нет, я понесу. Как можно! Вы – гость.

– Спасибо! Но откуда узнали, что именно сегодня?..

– Лиза, уезжая, просила встретить вас. Лиза в командировке.

– Я знаю. Получил радиogramму перед отъездом. Она полетела на реку со смешным названием – Вава.

– Виви, – поправил Савчук. – Это приток Нижней Тунгуски, недалеко от Туры.

– Но мне неловко. Я затруднил вас.

– Наоборот, что вы! Я рад. Я, признаться, нуждаюсь в вашей консультации... Дело в том, что в руках есть кончик нити, ну, неразгаданная тайна, что ли, как это принято называть...

Он запнулся и замолчал.

Вот оно что!.. Савчук (кажется, археолог или этнограф?) обременен неразгаданной тайной – как я сразу не догадался! Ведь сам когда-то был в его положении, ходил с отсутствующим видом и натыкался на прохожих из-за одной загадки, ныне благополучно решенной: Земли Ветлугина, или, по-старому, Архипелага Исчезающих Островов. Неужели я выглядел так же?..

Взгляд Савчука показался мне усталым и беспокойным. Щеки были выбриты наспех. В экипировке наблюдалась небрежность. Полосатый галстук, например, был повязан так, что взгляду открывалась неприглядная медная запонка. Брюки – я сразу заметил это – отглаживались, за недосугом, по старому студенческому способу: собственной особой владельца, подкладывавшего их на ночь под матрац.

– Случайно наткнулся, знаете ли... Работая над архивными документами семнадцатого века, – продолжал мой спутник. Интонации его голоса стали почти умоляющими. – Мне и раньше было известно об одном легендарном народе, который...

– Стоп! Стоп! – Я засмеялся. – Консультация на перроне?.. Я же транзитный пассажир, в Москве проездом. И потом, заметьте: полярник, гидролог!.. Проблемы народоведения далеки от меня, как... ну, как Земля Ветлугина от Москвы.

– Тут есть особые обстоятельства, – смиренно заметил Савчук.

– Вот как!

– Да. Вначале я думал, что сообщение о народе «икс» можно отнести к числу апокрифических. Но после того как в Москву доставили закольцованную птицу с запиской на бересте...

– Птица?! Записка?! Ничего не понимаю!..

Мы вышли на Комсомольскую площадь.

В мокром асфальте ее весело отражались цветные пятна трамваев и автобусов. Снега уже не было. Хлопотливые дворники отгнали зиму с улиц и площадей на задворки, куда-то между помойкой и дровяными сараями, где, по календарю, ей и полагалось быть.

Двадцать шестое марта!

Март, первый весенний месяц, юность года! Все, все еще впереди: и благоуханная весна, и пышное лето, и золотая осень, венчающая год!..

Я думаю, у каждого человека бывают мгновения, когда он кажется себе собственным своим младшим братом. Со мной это случается в марте.

Метнется навстречу ветер (в марте он дует порывами, будто выскакивает из-за угла) и словно встряхнет что-то во мне.

Странная иллюзия овладевает мною. «Полно, – думаю я, – может ли это быть? Правда ли, что прожита жизнь? Не приснилась ли она?..»

Вдруг представится, что я снова подросток, спешу из библиотеки с охапкой книг под мышкой, вечер, весна, ветер раскачивает вдоль улицы висятые фонари. Я остановился под фонарем, хочу понять, что это со мной. Впрочем, это только радость, но радость необыкновенная. Распирающая грудь! Приподнимающая над землей! Что это?.. О, всего лишь взволнованное ожидание счастья...

Кто сказал, что юность неповторима? Вздор! Надо лишь, чтобы такой вот старый приятель повстречался на пути – весенний ветер, дующий порывами, зовущий куда-то, насыщенный влагой и беспокойством.

Вот и сейчас, на Комсомольской площади, словно что-то толкнуло в грудь.

Полузабытое, милое ощущение!..

Им, ожиданием счастья, встретила меня Москва после долгой разлуки с нею!..

– Не подлежит сомнению, – бубнил тем временем Савчук над ухом, – что записку отправил наш современник. Даты нет. Предполагаю, однако, что написана не ранее тысяча девятьсот девятого и не позднее тысяча девятьсот семнадцатого года. Слова трудно разобрать, но... Вы, конечно, едете в такси?

Я заметил, что Савчук деликатно, локотком, оттесняет меня к стоянке такси.

– Зачем? – удивился я. – На метро скорее. Ведь я живу рядом с Библиотекой Ленина.

– В такси как-то удобнее.

В голосе его прозвучало разочарование. Видимо, он надеялся, что в такси я дам ему выговориться.

Я взглянул на огорченное лицо Савчука и улыбнулся. Мне стало жаль его.

– Видите ли, Владимир... Владимир... («Владимир Осипович», – подсказал он.) Ага, Осипович... Послезавтра выезжаю в Сочи – не хочу просрочить путевку, – а дел в Москве миллион. Надо побывать дома, заявиться в ГУСМП¹, купить в магазине курортную амуницию: майки, тапки и т. д. Впервые еду в Сочи, представьте себе! Так что времени в обрез. Вот разве завтра... Вы свободны завтра?

– Собственно говоря, я...

– Очень хорошо, свободны! Значит, идем в Большой театр! Там и потолкуем обо всем.

Савчук вздохнул:

– Я предпочел бы съездить с вами в музей.

– В музей?.. Нет, извините, все расписано заранее. Давным-давно. Еще на Архипелаге Исчезающих Островов.

И в подтверждение я вытащил записную книжку, где значилось: «Двадцать шестого марта сделать в Москве: 1. ГУСМП. 2. Майки, тапки и т. д. 3. Большой театр».

– Видите, театр?.. Нет, только в театр! С осени мечтаю о театре!.. Да и вам полезно встряхнуться. Закоснели, я думаю, в музее с мумиями со своими.

– У нас нет мумий, – промямлил Савчук.

– Разве? Глядя на вас, подумаешь, что... Впрочем, шучу, шучу!.. Ну, все!.. Побрейтесь, приведите себя в порядок. Завтра в семь часов жду у Большого театра!

По-видимому, с этим невозможным человеком надо было разговаривать именно так: решительно, кратко, в повелительном наклонении.

2

А времени у меня действительно было в обрез.

Прежде всего – домой! Принять душ, побриться, позавтракать – и в ГУСМП!

На Землю Ветлугина я летал в качестве консультанта. Несколько лет назад, вскоре после открытия архипелага, там была начата интересная научная работа, связанная с изучением Полюса относительной недоступности, который располагается по соседству. Работу эту заканчивали молодые полярники во главе с Василием Федоровичем Синицким. Они прекрасно справились со своими обязанностями, о чем я и должен был доложить в управлении.

Ключи от комнаты находились у соседей. Там же меня ждала записка.

«Извини, милый, что не встретила. Не пришлось, – писала Лиза. – Срочное поручение, понимаешь, очень интересное – по поводу нового строительного материала, который может пригодиться нам при создании городов в районах многолетнемерзлых пород. Вылетаем через час! Вернусь в мае, расскажу. Крепко-крепко целую, милый Лешенька! Отдыхай! Ходи в театры!.. Да, вот еще! Не забудь уплатить за квартиру. Я не успела. Жировки у Лели».

«Отдыхай!», «Ходи в театры!..» Стало быть, еще не знала, что для нас в управлении заказаны путевки...

И как это похоже на Лизу! Знала, что я приезжаю, готовилась к встрече, и вот – «срочное, очень интересное поручение»! В два мига снялась и улетела!

¹ Главное управление Северного морского пути.

Письмо написано было второпях, чуть ли не стоя. Об этом можно было судить по обилию восклицательных знаков, а также по тому, что концы строк, приплясывая, загибались вверх, – видимо, некогда было делать переносы.

Я отпер дверь в нашу комнату.

Да, «дом без хозяйки – что тело без души». Комната казалась сейчас пустой, неприветливой, какой-то нежилой. Сиротливо выглядели салфетки, разложенные на буфете. Стулья стояли где попало, вразброд. Даже фикус угрюмо сутулился в углу, опустив покрытые слоем пыли листья, будто пригорюнившись.

Я сделал несколько шагов и пугливо оглянулся. Пол у нас паркетный, а я забыл вытереть сапоги и наследил на полу.

«Ноги надо вытирать!» – придиричиво сказала бы Лиза, заметив беспорядок.

Я вздохнул. Слишком тихо было в комнате. Никто не ворчал на меня, не выговаривал мне...

Но с дороги надо позавтракать.

В тундре я разжег бы костер из плавника, а может быть, за недосугом подогрел бы на спиртовке консервы. Здесь к услугам моим была электроплитка. Но сейчас почему-то не нравилось и это ценное достижение электротехники в быту.

Я торопливо ел свою холостяцкую, немного подгоревшую яичницу, пил чай и слушал радио, не без иронии поглядывая на электроплитку, стоявшую рядом с чайником на столе.

«Вот он, мой семейный очаг, – думал я. – Тот самый, подле которого Лизе полагалось бы поджидать мужа, неутомимого полярного путешественника, которому так надоели ледяные штормы и подогретые консервы...»

Но не было Лизы подле семейного очага...

Неутомимая душа! Странствует где-то по Сибири, ночует у костров, пробирается дремучей тайгой от одного горельника к другому.

Что поделаешь! Разве это мне в диковинку?

Мы с Лизой были странными супругами. Я гидрограф, ледовик, то есть специалист по ледовым прогнозам; она инженер-строитель, изучающий особенности строительства в условиях вечной мерзлоты. Оба постоянно в пути, в разъездах, в командировках.

Как-то я подсчитал, что наиболее длительный срок, который мы пробыли вместе после женитьбы, составил три с половиной недели. Всего три с половиной... Лиза шутила, что, полностью не дожив полагавшийся нам медовый месяц, мы должны теперь – в порядке компенсации – всю свою последующую супружескую жизнь превратить в сплошной медовый месяц.

Удавалось ли это нам? Судите сами. Мы были женаты три года. Немалый срок! Однако не помню ни одной сколько-нибудь серьезной ссоры, – да что я, ссоры! – самой пустячной размолвки между нами.

Впрочем, не собираюсь выставлять нас на всеобщее обозрение как некое образцово-показательное семейство. Конечно, и у меня и у Лизы были свои недостатки. Но они, во всяком случае, не могли явиться неприятной неожиданностью. Ведь мы с Лизой дружили еще с детства.

Видимо, нам просто некогда было ссориться. Не успевали набегаться вдосталь по выставкам, побывать в театрах, наконец, посидеть дома вдвоем у затененной уютным абажуром лампы, как опять приходилось укладываться и расставаться – иногда надолго. Частые разлуки поддерживали постоянное напряжение влюбленности – душевное состояние, хорошо знакомое морякам дальнего плавания, зимовщикам и геологоразведчикам.

Мы с Лизой умели ценить свое время. Каждое совместное пребывание в Москве старались сделать ярким, радостным, праздничным.

В прошлом году Лиза вернулась из Якутска в конце ноября. Решено было провести отпуск вместе (впервые!), поехать в «Поречье», дом отдыха возле Звенигорода, отличное

место, где можно всласть покататься с гор на лыжах. Я начал уже готовить лыжи. Оказалось – зря!..

В декабре пришлось вылететь в район Восточно-Сибирского моря. «На самый короткий срок, – успокоительно сказали в ГУСМП. – И не жалеете о “Поречье”. Взамен предоставим путевку в Сочи. Для вас и для вашей супруги. В январе, знаете ли, в Сочи розы цветут...»

Но, как водится, командировка затянулась. В Москву я вернулся не в январе, а в марте и уже не застал здесь Лизы.

Что ж, стало быть, придется отдыхать одному!

На юге я до сих пор не бывал. Как-то не пришлось. Даже пальмы видел только на картинах и в кино. Была одна пальма на Земле Ветлугина, но присматриваться к ней не рекомендовалось. Вместо земли кадка набита была опилками, а само деревце – мохнатый ствол и широкие глянцевиные листья – довольно искусно сделано из папье-маше.

– Пора, пора отогреться в субтропиках, – сказал мне врач, глубокомысленно кивая. – Нельзя так. Всю жизнь либо в море, либо на зимовке. На одном архипелаге своем сидели, верно, не меньше двух лет. – И добавил шутливо: – Окоченели совсем! Ведь это, говорят, просто ледышка, глыба льда, да еще вдобавок ископаемого...

Именно наши места имеет в виду диктор, когда мрачным голосом оповещает по радио о вторжении из Арктики холодных масс воздуха. С наших мест и начинается сводка погоды. Первыми упоминаются Оймякон, Нарьян-Мар, Земля Ветлугина. Здесь холоднее всего в Советском Союзе. Затем диктор перечисляет Читу, Иркутск, Хабаровск и, постепенно поднимаясь по делениям термометра, называет повеселевшим голосом Сочи – благословенное место, где всегда тепло.

Как часто, собравшись вечером в кают-компанию (мы звали ее уют-компанией), сгрудившись тесно у печки – снаружи термометр показывал пятьдесят или сорок пять градусов мороза, – немногочисленное население станции с живейшим интересом прослушивало по радио сводку погоды.

– Каково?! – восхищенно восклицал кто-нибудь. – В Сочи шестнадцать тепла! А у нас сколько? Ого!..

– Шестнадцать градусов – это хорошо, – мечтательно говорил другой. –купаются, я думаю, всю...

– Нет, холодно купаться.

– При шестнадцати-то холодно?!

Завязывался спор, сугубо теоретический, так как обоих спорщиков – и того, кому было холодно при шестнадцати градусах, и того, кто возмущался этим, – отделяло от Сочи расстояние в несколько тысяч километров.

Нужно пересечь по диагонали весь Советский Союз – от северо-восточного его угла и почти до юго-западного, – двигаясь все время вдогонку за солнцем, минуя несколько климатических поясов, чтобы попасть с Восточно-Сибирского моря на Черное, из ледника, из склада с ископаемым льдом, каким, по сути, является Земля Ветлугина, на вечнозеленое, приветливое Черноморское побережье.

Это и был мой маршрут: Земля Ветлугина – Сочи, с дневкой в Москве.

3

Дневка была хлопотливой.

В ГУСМП задержали до вечера, а оттуда потащили в гостиницу «Москва» к седовцам, среди которых у меня были друзья. Столица переживала радость встречи с участниками легендарного дрейфа на «Седове», незадолго перед тем прибывшими из Мурманска.

О, много воды утекло со времени поисков и открытия Земли Ветлугина, много плавающих льдин, покачиваясь и толкаясь, пересекло Полярный бассейн. Шмидт и Водопьянов высадились на Северный полюс; папанинцы обосновались на льдине и придрейфовали на ней в Гренландское море; Чкалов, а затем Громов перемахнули через полюс из СССР в Америку; флагман арктического флота ледокол «Иосиф Сталин» совершил двойной сквозной рейс в одну навигацию из Мурманска в бухту Провидения и обратно; и, наконец, проведя почти три года в таинственных недрах Арктики, вернулись домой седовцы.

Настроение у всех было, естественно, приподнятое, и каждый гость, посещавший седовцев, встречал самый теплый, радушный прием. Так я и переходил из номера в номер, из одних дружеских объятий в другие, пока не изнемог и не заночевал у старшего помощника капитана, гидролога, своего давнего приятеля и собрата по профессии.

Следующий день был заполнен беготней по магазинам, телефонными звонками, доставанием билета, обычной радостно-взволнованной предкурортной суетой. И все же я явился в назначенный срок и встал навтыжку у колоннады Большого театра. Семь часов. Савчука нет и в помине.

Невозможный человек!

Не забыл ли он обо мне среди своих пыльных архивных бумаг, озабоченный судьбой какого-то баснословного или вымершего народа? Что ж, тем хуже для него! Значит, история записки и птицы не будет рассказана.

С наслаждением, полной грудью я вдохнул московский воздух, от которого успел отвыкнуть в Арктике. Он отдавал бензином. Это было ничего. Это даже нравилось сейчас. Однако что-то было в «букете Москвы», какая-то примесь, почти неуловимая.

Разберемся. Первый ингредиент, безусловно, – запах сырости, дождя. Второй – бензина. А третий? Неужели цветов? В марте – цветы?

– Купите, купите, гражданин, – окликнул меня женский голос. – Мимоза. Сочинская. Только что с аэродрома.

Я обернулся. Рядом был киоск цветочницы. Мохнатые желтые веточки, лежавшие на прилавке, распространяли прохладное благоухание.

– Купите, купите, – настойчиво повторила цветочница. – Купите для вашей дамы.

– У меня нет дамы, – пробормотал я, но веточку взял, подчиняясь гипнотически-вкрадчивым интонациям ее голоса.

«Для чего мне цветы? – недоумевал я, вертя в руках осыпавшееся желтое опахало. – Лизы в Москве нет. Ей я, конечно, подарил бы цветы. К любому поводу готов был придаться, лишь бы дарить ей цветы. Если же она начинала ворчать, что уйма денег тратится на подарки, я отвечал резонно: “Наверстываю упущенное. Много ли цветов ты получила от меня в прошлом?”»

Да, наш роман развивался необычно. Я усмехнулся, вспомнив, как подростком оттащил Лизу за косы. (Они были у нее какие-то очень вызывающие, торчащие рожками в разные стороны, как бы приглашающие к таске.) Мог ли я подумать тогда, что наступит время и я буду дарить цветы этой надоедливой и дерзкой рыжей девчонке, буду нетерпеливо поджидать ее и тосковать по ней?..

Я рассеянно сунул маленькую благоухающую веточку в карман кителя, прошелся взад и вперед под колоннами.

Весенний вечер развернул во всю ширь площади Свердлова прозрачное покрывало сумерек. Контуры домов стали расплывчатыми. В небе преобладали зеленоватые тона, скорее при-
сущие даже апрелю, а не марту.

Вдруг разом, будто по взмаху палочки милиционера, управлявшего уличным движением, зажглись вдоль проспекта висячие фонари. Я с тревогой взглянул на часы. До начала спектакля оставалось десять минут.

Савчук запаздывал.

Ну и ну!..

Я знал от Лизы о его феноменальной сосредоточенности: в любой шумной компании он мог чувствовать себя в одиночестве, едва лишь приходило к нему вдохновение. Он становился тогда глух и нем, как бы погружался в глубокий колодец.

Впрочем, Савчук представлялся мне добровольным архивным затворником, жителем подземелья.

Есть такое выражение – «поднять архивы». Оно фигурально. Но в моем воображении рисовались мрачные своды, паутина по углам, груды беспорядочно наваленных на полу фолиантов в кожаных переплетах и печальный толстый Савчук, в съехавшем набок галстуке, с сопением и вздохами подлезавший под эту груду.

Я снова посмотрел на часы. Черт знает что! Долго ли еще подпирать мне колонны Большого театра, дожидаясь этого архивного затворника?!

Две девушки, пробегая мимо, засмеялись.

– Обманула, не пришла, – громко сказала одна из них, кося в мою сторону лукавым черным глазом.

– Да-а, бедненький... – пропела другая, качнув белокурым локоном, выбившимся из-под шляпки.

Конца фразы я не расслышал, так как двери в театр с грохотом захлопнулись за ними.

Каково, а? Бедненький... Не хватало еще, чтобы прохожие стали жалеть меня!

Я сделал полуоборот, собираясь войти в театр, и тут наконец увидел Савчука. Он почти бежал через площадь в своем развевающемся пальто и несуразных ботах на пряжках, в каких сейчас ходят, по-моему, только архиереи и теноры. Мало того, даже теперь, собравшись в театр, он не мог расстаться с портфелем и каким-то свитком, который торчал у него под мышкой.

– Не опоздал? – кричал Савчук еще издали. – Давно ждете?

– Не оправдывайтесь. Знаю, задержали мыши. Да, да, архивные мыши. Но почему вы в ботах?

– А как же? Сырость, март.

– Чудесный весенний месяц!

– Что вы? – удивился Савчук. – Самый гриппозный. Всегда болею, если в Москве.

– Но я должен огорчить вас. Идет не опера, а балет. «Коппелия».

– О, мне все равно.

Я подхватил его под руку и повлек в фойе.

– Осталось пять минут до начала. Надо еще успеть раздеться, взять бинокли...

– Надеюсь все-таки, что в антракте... Консультация займет буквально...

– Потом, потом!..

– Тем более что вас считают самым крупным специалистом по Карскому морю, а также морю Лаптевых. Вы ведь, кажется, зимовали на мысе Челюскин?

– Занятная манера у вас консультироваться, – сказал я, вздохнув. – Вот теперь уже мыс Челюскин появился...

И легонько подтолкнув своего спутника, я вошел вместе с ним в сияющий зрительный зал.

Глава вторая. Кто такие «дети солнца»?

1

В зале я тотчас же забыл о Савчуке.

Я в театре! Эта сверкающая жемчужная люстра под потолком! Эти праздничные, веселящие душу цвета пунцового бархата и позолоты! Этот приглушенный говор рассаживающихся по местам зрителей, охваченных, подобно мне, радостным трепетом ожидания!

А давно ли?..

Еще несколько дней назад пустынный океан шумел вокруг, термометр за окном показывал тридцать градусов ниже нуля, а ветер с размаху ударял в бревенчатые стены зимовки. Он дул уже месяц, не утихая, с каким-то остервенением, будто стремясь сбросить нас с архипелага. В марте здесь ветры достигают дьявольской силы.

Все это осталось далеко позади. Насыщенный ароматами воздух был неподвижен и тепел. Я в театре!..

Шагая по ногам зрителей и бормоча извинения, мы с Савчуком отыскивали наконец свои места. Раздался долгожданный волнующий шелест.

Медленно раздвинулся занавес...

Должен заметить, что не очень люблю балет. Для меня это слишком условный вид искусства. И уж, во всяком случае, предпочел бы милое «Лебединое озеро» угловатой делибовской «Коппелии». Но выбирать не приходилось. Я располагал всего лишь сегодняшним вечером, так что рад был и «Коппелии».

Сейчас устраивали любое зрелище, любая музыка. Как жадный провинциал, я наслаждался одним сознанием того, что нахожусь в Большом театре.

Я нагнулся к Савчуку. Он сидел в бархатном кресле, сгорбившись, шевеля губами, с каким-то отсутствующим видом.

Я испугался. Мне был известен этот сорт меломанов, которые шепотом повторяют всю партитуру на ухо соседу. Быть может, и мой Савчук?..

Но я ошибся.

– Никак не могу поверить, что мы в театре, – сказал я.

– Да, конечно, с Арктикой резкий контраст, – пробормотал Савчук.

– Еще бы!.. Ощущение такое, словно сразу же из-под ледяного душа угодил в успокоительно теплую хвойную ванну.

Савчук не отозвался. Выведенный на миг из своего странного состояния, он снова погрузился в него, едва лишь я отвернулся.

Мой сосед был взволнован, то и дело вздыхал. На лбу его выступили капельки пота. Он похож был сейчас на кипящий чайник! Вместе со вздохами из его рта вырывалось невнятное бульканье.

Мне удалось разобрать что-то вроде: «Ау... Ау...»

Я удивился. Прислушался.

– Птица Маух... Раух, – почудилось мне.

И в театре бедняга не мог забыть о своих злключениях!

В прошлый мой приезд Лиза говорила, что Савчук работает над диссертацией. На какую же тему? Что-то причудливое. Ах да! Об исчезнувших народах Сибири. Ну и тема!

– Потерпите до антракта, – сказал я. – В антракте выслушаю вас.

Когда закончилось первое действие, мы спустились в курилку. Сизые полосы ходили ходуном, свиваясь в восьмерки между полом и потолком. Савчук не курил, но покорно встал в углу передо мной и только страдальчески жмурился от дыма.

– Итак, – сказал я, закуривая, – вас беспокоит какая-то птица. Простите, за шумом оркестра не расслышал: Раух, Маух?

– Маук, – поправил Савчук.

Он надул щеки и вздохнул. Разговор, судя по всему, предстоял долгий.

Я поторопил его:

– Вы сказали, что считаете меня знатоком Карского моря...

– Моря? Ах да. Карского. Нет, это, пожалуй, чересчур в лоб. Надо подвести вас постепенно, объяснить...

Он попытался сделать плавный жест, но зацепил рукой двух курильщиков, стоявших рядом, сконфуженно извинился и продолжал уже шепотом:

– Дело в том, что я давно уже ломаю голову над одним белым пятном... Да, именно в этнографии. На карте расселения народов Сибири северная часть Таймырского полуострова закрашена белым цветом. Но я, кажется, опять в лоб? Лучше начну с находки в библиотеке, как вы думаете?

– Прекрасно, начинайте с библиотеки.

– Видите ли, – сказал Савчук, – я всегда ждал, что необыкновенное произойдет со мной в библиотеке.

Начало мне понравилось.

Выяснилось, что Савчук интересуется происхождением народов Сибири, изучает их расселение к моменту прихода в Сибирь русских.

– Это тема вашей диссертации?

– Почти что... Видите ли, найденный мною народ не указан ни в одном старинном русском документе. Мало того, совершенно ускользнул от этнографов, как советских, так и дореволюционных. И несмотря на это, представьте себе, он жил, он реально существовал еще в начале нашего века.

– Странно! Неужели не осталось никаких следов?

– Самые путаные следы. Орнамент на одежде. Потом кое-какие предания, сказки. Главным образом сказки.

Я недоверчиво крикнул. Сказки! Когда же сказки считались источником, заслуживающим доверия?

– И я не верил. Я тоже не верил, – заторопился Савчук, в волнении хватая меня за рукав. – Вынужден был поверить после того, как прочел записку на бересте... Ведь это же, понимаете, документ! Даты нет, но написано, несомненно, в наше время. Во всяком случае, двадцатый век. Ручаюсь головой за двадцатый век!

На нас стали оглядываться в курилке. Но тут раздался звонок, прервавший Савчука.

2

В следующем антракте мы отправились в буфет.

Он был битком набит. Нам все же удалось протиснуться к угловому столику, откуда я начал делать знаки официанткам, проносившимся мимо, как цветной вихрь.

Тем временем мой спутник придвинул к себе меню и стал рассеянно водить по нему карандашом. В каких-нибудь полторы-две минуты карточка сверху донизу украсилась силуэтами птиц, множеством угловатых, причудливых силуэтов.

Я отнял у него меню.

– Задумался, – пояснил Савчук, смущенно улыбаясь. – Рисую сейчас на всем, что попадется под руку. Это, знаете ли, помогает мне думать.

– Ну, слушаю вас, – сказал я. – Откуда взялась уважаемая Птица Маук и как залетела она на наш столик, в это злополучное меню?

– Представьте, не знаю... О, тут очень много загадочного!..

Вначале я то и дело возобновлял свою сигнализацию, пытаюсь привлечь внимание официанток, но потом оставил это и повернулся к Савчуку.

Савчук проводил все время в музейной библиотеке, так как заканчивал диссертацию. Приходил к открытию и не уходил до тех пор, пока не раздавался девятый – последний – удар больших настенных часов.

Особая, почти благоговейная тишина царила здесь. По белым половичкам скользили заботливые седые дамы, сотрудницы библиотеки. Шелестели перевертываемые страницы. Изредка кто-нибудь кашлял, но с осторожностью, чуть слышно.

Усевшись за облюбованный им маленький столик у окна, Савчук с головой погружался в историю присоединения к нусской державе юкагиров, тунгусов, чукчей, самоедов.

Работая, он, по обыкновению, забывал обо всем окружающем.

Савчук был очень удивлен, когда увидел чью-то руку, осторожно выдвинувшуюся из-за его спины и положившую перед ним пакет.

Он оглянулся. За его стулом стояла сотрудница читальни.

«На ваше имя, Владимир Осипович, – шепотом сказала она. – Директор велел срочно передать».

Савчук поморщился. Наверное, так называемый самотек, очередное письмо от какого-нибудь краеведа-любителя. Десятки таких писем приходят в музей со всех концов страны.

Не до самотека было Савчуку в тот момент. Почему-то подумалось, что в пакете находится сообщение, не заслуживающее внимания. Любитель-краевед отыскал в тундре коренной зуб мамонта и обрадовался, решил, что сделал открытие мирового значения. А в музее чуть ли не полкомнаты завалено этими коренными зубами.

Савчук поднял глаза к окну, затененному зелеными ветвями. Окна в музее очень высокие, летом их раскрывали настежь. Под ними располагалась площадка, на которой играли в волейбол. Виден был мяч, взлетающий до уровня окна, слышались звуки ударов по мячу, смех, возгласы: «Аут!», «Подача справа!», «Счет два-ноль!»

Эти второстепенные подробности запомнились Савчуку, потому что послужили как бы рамкой для открытия.

Некоторое время глаза отдыхали на зеленой листве, пронизанной светом. Потом он вздохнул и вскрыл пакет.

Нет, речь шла не о зубе мамонта...

Из конверта вывалился и упал на стол четырехугольный кусок бересты, очень маленький и легкий, с нацарапанными на нем полустершимися значками. Присмотревшись, Савчук увидел, что это печатные буквы.

Он поспешно навел на них лупу.

«Таймыр», – прочел этнограф, – «воздушному следу», «верховьях реки...», «детьми солнца...», «Птицей Маук...», «единоборство», «жив...»

Еще одна, чисто внешняя, подробность: на кусок бересты упал косой луч заходящего солнца. Строчки словно ожили в снопе пляшущих пылинок. «Солнечный курсив», – подумал Савчук, пристально вглядываясь в странный текст.

Он еще не улавливал связи между отдельными словами и, с сожалением отложив бересту, развернул сопроводительное письмо. Группа юных натуралистов из Ленкорани сообщала о том, что коллекция перелетных птиц в Ленкоранском доме пионеров пополнилась удивительным охотничьим трофеем. Им удалось убить дикого гуся, одна из лапок которого была тща-

тельно обернута, как бы забинтована «прилагаемым куском бересты». Видимо, птицу закольцевали – если это можно назвать кольцеванием – довольно давно, так как некоторые слова на записке стерлись.

Дикие гуси проводят лето на Таймыре – это было известно Савчуку так же, как пионерам. Впрочем, об этом говорило и первое слово на куске бересты, поддававшееся расшифровке. Птица побывала на Таймыре. Какой следовало сделать из этого вывод?

Неужели заполнялся пробел в этнографии, давно уже мучивший Савчука, заштриховывалось белое пятно на карте расселения народов Сибири?

Получалось, что северная часть Таймырского полуострова, упирающаяся углом в Ледовитый океан, заселена! Там, в верховьях какой-то реки, живет народ, называющий себя «детьми солнца», до сих пор неизвестный этнографам!

Остаток дня Савчук просидел неподвижно над куском бересты, присланным из Ленкорани, не притрагиваясь к книгам.

Наверное, он имел довольно странный вид, когда перед закрытием читальни возвращал книги. Заведующая, благоволившая к нему, спросила вполголоса:

– Как работалось, Владимир Осипович? Удачный был день?

– Удачный?.. – Савчук с удивлением посмотрел на нее. Он не сразу понял смысл вопроса. – Ах да, день?.. Не знаю! Пока еще не знаю ничего...

Я поднял голову. Вокруг стучали отодвигаемые стулья. Антракт кончился. Звонок призывал нас снова в зрительный зал.

– Что ж, надо идти, – сказал Савчук с огорчением.

– Обязательно договорим после спектакля, – утешил я его.

3

Когда спектакль закончился, Савчук покорно вышел за мной в фойе.

Глядя на его толстое удрученное лицо, я вспомнил, что Лиза сравнивала Савчука с Пьером Безуховым. Действительно, что-то общее было между ними, и не только массивность. Правда, Савчук не носил очки, как Пьер, но взгляд его становился иногда таким беспомощно-отсутствующим, задумчиво-мечтательным, что этнограф казался близоруким.

– Давайте походим по улицам, – предложил я. – Хочется просто походить. Поглядеть на Москву, какая она вечером.

– Не лучше ли все-таки в музей? – неуверенно сказал Савчук.

– Что вы! Ночью?.. Нет, доскажете по дороге. Понимаете, очень соскучился по Москве. Столько раз воображал на зимовке: вот спускаюсь по улице Горького, проверяю свои часы по телеграфским, сворачиваю к университету...

Мы очутились у вешалки.

Савчук неуклюже топтался подле меня, пытаюсь помочь одеться и в припадке усердия запихивая мою руку не в рукав, а во внутренний карман шинели.

Мы вышли из театра.

– Брр, какая сырость! – сказал Савчук, поправляя кашне, которым по меньшей мере трижды была обмотана его шея.

– Да что вы! По-моему, хорошо. Теплень!

– Мерзейшая погода! Всегда гриппую в марте.

– А вы бросьте грипповать.

– То есть как это «бросьте»? Вы думаете, притворяюсь?

Он чихнул и с беспокойством посмотрел на меня. Я засмеялся.

– Такая машина, громадина, – я с удовольствием оглядел его с головы до ног, – и так панически боится гриппа! Обмотался кашне, обулся в какие-то архиерейские боты. Вы просто неженка, милый мой! Оглянитесь-ка лучше.

Мокрый асфальт мостовой отражал в себе вечерние огни: ярко освещенные квадратики окон, зеленые, желтые и красные шары светофоров, струящуюся зыбь реклам. Москва смотрелась в асфальт, как в реку. Изредка мимо нас проплывали троллейбусы, покачиваясь с боку на бок, будто нагруженные доверху баркасы.

– До чего ж красиво! – вздохнул я от полноты чувств. – Вам не понять: пригляделись уже, избаловались. Небось как засели в свой музей, так и не выезжали из Москвы?

– Собственно говоря, я...

– Оставим это! Я же вас не виню. Меня интересует другое. Почему «детей солнца» не обнаружили на Таймыре до сих пор?

– А вы помните, какое место на карте занимает Енисей? – ответил Савчук вопросом на вопрос.

– Енисей? При чем тут Енисей?

– Он делит территорию СССР примерно пополам.

– Знаю.

– Так вот, к западу от Енисея работали десятки ученых-этнографов, а к востоку – единицы. Пропорция, конечно, неправильная. В данном случае она многое объясняет.

Довод показался мне убедительным.

– Все-таки, простите, не понимаю, какое отношение имеет ко мне клочок бересты, пусть даже исписанный печатными буквами?

– Но ведь вы бывали в море Лаптевых! Лиза говорила, что специально изучали историю путешествий в этом районе Арктики.

– Изучал, да.

– Вот видите! Именно вы сумеете разобраться. Какой-то русский путешественник двадцатого века, пересекая Таймыр с севера, со стороны моря, наткнулся на «детей солнца» и с помощью закольцованной птицы известил о своей находке. Путешественника, заметьте, считают погибшим или пропавшим без вести, иначе в записке не было бы слова «жив».

Я задумался. Никто из путешественников, погибших или пропавших без вести, не приходил на ум.

Некоторое время мы шли молча. Сверху начал моросить мелкий надоедливый дождь.

– Самое важное сейчас: уточнить хронологию событий, – продолжал Савчук. Он с раздражением отряхнул дождевые капли со своего пальто. – В каком году написано письмо? Дата! Дата! Дайте мне дату!..

– А орнитологи? Обращались ли вы к орнитологам? Какой возраст закольцованной птицы?

– Музей просил ленкоранских пионеров прислать чучело птицы. Посылка пришла очень быстро.

– Ну и?..

– Орнитологи определили возраст птицы примерно в двадцать-тридцать лет.

– Отлично. Уже есть нижняя предельная дата. Птица убита в прошлом году, то есть в тысяча девятьсот тридцать девятом. Стало быть, закольцевать могли ее не раньше тысяча девятьсот девятого года. А верхняя предельная? Нельзя ли установить верхнюю предельную дату?

– Установлено. Тысяча девятьсот семнадцатый год.

– Почему?

– Орфография. Письмо написано по старой орфографии: с твердым знаком и буквой «ять». Это указывает, во всяком случае, на предреволюционные годы.

– Да, убедительно, – согласился я. – Но почему печатные буквы?

– Думаю, путешественник был предусмотрителен. Письмо могло попасть в руки малограмотных людей, которые легче разобрались бы в печатном тексте.

– Неглупый человек этот ваш путешественник, – пробормотал я и поежился: за воротник поползла противная холодная струйка. Дождь понемногу усиливался.

– Признаюсь, мне стало интересно, – сказал я искренне. – Выходит, к вам в музей, в музейную библиотеку, ворвалась весть от какого-то русского морехода, нашего современника? Теряюсь в догадках, кто бы это мог быть... Но продолжайте, я перебил вас.

Мы двинулись дальше по мокрому блестящему тротуару.

– Где мы? – спросил я, поднимая воротник.

В тумане поблескивала вода. Впереди проступали внушительные очертания какого-то моста.

– Крымский мост, – рассеянно сказал Савчук.

Ого!.. Далеченько забрались!

– Ну не чудачки ли мы с вами? – сказал я, улыбаясь. – Вместо того чтобы спать, разгуливаем себе ночью под дождем и рассуждаем бог весть о чем. О бересте и Карском море! О Птице Маук и каких-то сказочных «детях солнца»!..

– И об исчезнувшем русском путешественнике.

– Да, о погибшем, давно умершем путешественнике.

– В том-то и дело, что он, может быть, жив до сих пор.

– Жив? Да что вы! – сказал я недоверчиво.

– Да. По-видимому, продолжает посылать вести с верховьев своей реки. Но это надо, конечно, проверить на месте, на самом Таймыре...

В задумчивости мы прошли еще несколько кварталов.

– Как хотя бы выглядит это послание на бересте? Опишите его внешний вид! – попросил я, продолжая перебирать в памяти имена русских полярных путешественников.

Савчук пробурчал что-то в кашне.

– Не слышу. Что вы говорите?

– Говорю, что проще бы самому взглянуть на него.

Я остановился. У меня мелькнуло смутное подозрение.

– Савчук, где мы сейчас?

Мой спутник замялся, потом сказал, глядя вбок:

– На Большой Калужской. Музей рядом.

Над нами в тумане мерцал фонарь, как маленькая луна. При свете его я всмотрелся в сконфуженное лицо Савчука.

– Э-ге-ге!.. – сказал я.

– Ну вот еще...

– Нет, нет, вы хитрец! И какая настойчивость! Вы пиявка, почтеннейший, просто пиявка!

Он принялся оправдываться, говоря, что привел меня сюда случайно, что ноги машинально, без участия сознания, привели его к музею и психологам известны подобные случаи. Он замолчал, не выдержав моего красноречиво-укоризненного взгляда.

– Хотя поскольку вы все равно уже здесь... – сказал Савчук почти шепотом.

– Постольку-поскольку! – передразнил я. – Заманили в район музея...

– Но это займет у вас всего четверть часа.

– Нет, вы с ума сошли!

Однако он уловил в моем голосе нотки неуверенности и стал еще более настойчив. Ни с чем нельзя сравнить настойчивость таких вот толстых, с первого взгляда вялых и нерешительных людей, если им втемашится что-нибудь в голову.

– Завтра утром, – сказал я.

– Завтра невозможно. Завтра будет слишком поздно. Завтра вы едете в Сочи, я вылетаю на Таймыр.

– На Таймыр?.. Зачем?

– Но я объясняю вам это целый вечер – искать легендарный, загадочный народ – «детей солнца»! Мне поручено проверить подлинность записки на бересте. Нет, вам совершенно необходимо взглянуть на записку!

– Ночью?.. В музей? – пробормотал я, делая несколько нерешительных шагов. – Все-таки, согласитесь, как-то странно...

– Ничуть не странно. Для науки ничего не странно! Вы сами были в таком же положении, мучились когда-то тайной, которая...

Он пустил в ход неотразимый аргумент.

Когда я следом за Савчуком поднимался по лестнице музея, куранты на Спасской башне, повторенные радиорупорами на площадях, стали бить полночь.

Глава третья. Закольцованный гусь

1

Осмотр музея в полночь?.. Слыханная ли вещь?!

Идти в музей для того только, чтобы взглянуть на облезлое чучело птицы и клочок бере-
сты!

Тащиться к черту на кулички под дождем, когда давно уже полагается спать!

Но, повторяя все это и ругая себя, я продолжал плестись за Савчуком.

В описываемое мною время Музей народов СССР помещался на Большой Калужской, фасадом своим выходя к Москве-реке, в Нескучный сад.

Пока Савчук искал дежурного по музею, я стоял у входа в здание.

Внизу толпились деревья. Между ними видна была вода. Она казалась светлее деревьев, но все же была очень темной, неприветливой.

Я подумал о том, что совсем скоро – через каких-нибудь два-три дня – буду стоять у настежь раскрытого окна сочинского санатория. Лунная дорожка побежит от берега далеко-далеко к горизонту, а с веранды будут доноситься мерное шарканье ног и звуки медленного вальса. Медленного... Почему именно медленного?

Странно! Я никак не мог настроиться на курортный лад. Лиза говорила мне не раз, что я, подобно многим другим занятым людям, попросту не умею отдыхать. Возможно. Но мысли о Сочи все время перебивала мысль о письме на бересте. Что-то почти гипнотизирующее и очень тревожное было в этих разрозненных, не связанных между собой словах: «Таймыр», «верховьях реки...» И как там дальше? «Птицей Маук» и «жив»!

Что бы это могло значить?..

– Дежурный разрешил! – раздался за спиной торжествующий голос Савчука.

Я вздрогнул. Я был сейчас далеко от дежурного и от музея.

– Договорился, уладил, – объяснил Савчук, переводя дух. – Сейчас отопрут.

Но высоченные резные двери, ожидавшие своего магического слова «сезам», еще долго не открывались перед нами.

Наконец явился сторож, низенького роста, заспанный, лохматый, недовольный. Кряхтя и зевая, он нашел в громадной связке ключей тот, какой ему требовался, и с медлительным скрипом двери отворились.

На нас пахнуло холодом. словно бы пещера была там, глубокая, сводчатая, наполненная слоистым мраком. В углах неясно мерцало что-то – быть может, сокровища Али-Бабы?

Суетливо шаркая валенками, сторож побежал вперед, зажигая свет на нашем пути.

Одна за другой возникали из тьмы высокие просторные залы. Днем здесь было иначе: раздавались приглушенно-робкие голоса посетителей, сдержанное покашливание, властный стук палочки экскурсовода. Сейчас сонная тишина стояла в комнатах, подобно недвижимой воде в заводи.

Да, очень странно было в музее ночью.

Мне показалось, что в одном из углов стоит человек. Когда мы приблизились, я рассмотрел под стеклом витрины фигуру русского казака XVII века.

Воинственно торчал шишак, поблескивала чешуя кольчуги, в откинутой руке было нечто вроде алебарды. Фигуре сумели придать такой естественный поворот, что чудилось: еще немного, и оживут, колыхнутся могучие плечи, а рука в железной перчатке сдвинет назад шишак, из-под которого глянет мужественное и доброе чернобородое лицо.

Таковыми, наверное, были первооткрыватели Сибири: предприимчивый Ермак, отважный Василий Бугор, хладнокровный Буза Елисей, о которых рассказывал мне в детстве – и с таким воодушевлением, так красочно! – мой школьный учитель географии.

– Не задерживайтесь у этой витрины, – поторопил меня Савчук. – Я же сказал вам: не семнадцатый, а двадцатый век!..

Он быстро и уверенно шагнул мимо тускло отсвечивавших витрин, мимо глиняной утвари и деревянных сох, мимо стендов с разноцветными вышивками, мимо каменных баб, высокомерно шуривших на нас свои глазищи.

Наконец мой проводник замедлил шаги.

– В следующем зале, – сказал он вполголоса. (Полночный час настроил и его на торжественный лад.)

Я огляделся. Это был каменный век!

– Мы в Северной Сибири. Эпоха – ранний неолит, – пояснил Савчук, делая широкий жест хозяина.

Со стен исподлбья смотрели рогатые черепа, по-видимому, северных оленей. В углу стоял растрескавшийся обломок могучего желтого бивня, а под ним лежали каменные топоры, наконечники стрел и короткие ножи из обсидиана – вулканического стекла.

А ведь все это когда-то служило человеку: стрела из обсидиана догоняла бегущего оленя, каменный топор валит быка. За каждым из этих предметов угадывался человек. В них воплотилась, материализовалась упрямая, творческая, созидаящая мысль, которая подняла человека над окружающим миром.

Что же ожидало нас в следующем зале?

С некоторой робостью я переступил порог.

2

Передо мною было чучело орла.

Экземпляр, правда, был незаурядный. Размах крыльев достигал на глаз двух с половиной метров. Могучие когти вцепились в пунцовую бархатную подставку. Издали могло показаться, что хищник терзает брошенный ему кусок мяса. Клюв был широко раскрыт, так что виднелся кончик острого, как жало, языка.

Набивщик чучела, по-видимому, обладал художественным вкусом и придал шее орла такой изгиб, что усиливалось впечатление злой и надменной силы.

С почтительным любопытством я склонился над металлической пластинкой, прибитой к подставке.

«Орел-белоголов, – было написано там, – убит на Чукотке. Поднесен в дар музею охотником Тывлянто такого-то числа».

Я обернулся к Савчуку, который с удивлением смотрел на меня.

– Что вы?.. Не орел, – сказал он.

Присмотревшись, я увидел, что в тени орлиных крыльев приютилось на особой подставке чучело гуся. Гусь как гусь: с перепончатыми лапами, с вытянутой по гусяному обыкновению шеей. Он смотрел на меня искоса желтым глазом, сохраняя при этом непроницаемо-загадочное и даже вызывающее выражение на длинноносой продувной физиономии.

– Лучше бы все-таки орел. Гусь, знаете ли, не так романтично.

– Ведь не простой гусь, а закольцованный, – вступился за гуся Савчук.

– Почти что заколдованный...

– Вестник несчастья, – многозначительно сказал этнограф. – Важные письма в старое время, – продолжал он, – запечатывались сургучом, к которому припечатывались еще и два-три гусиных пера. Чем больше перьев, тем важнее считалась весть, тем быстрее мчался гонец.

– Гусиные перья вместо марок?

– Вроде того.

– Тогда полученное с Таймыра письмо можно назвать заказным, потому что его сопровождали не двумя-тремя перьями, а целым гусем. Но где же оно, это «заказное письмо»?

– Не в клюве гуся, конечно. За семью печатями... Прошу пройти в эту маленькую дверь. Осторожно, ступеньки!

Записка сберегалась в кабинете директора в особом, герметически закрытом стеклянном ящике.

Я присел к столу.

Кусок бересты имел четырехугольную форму и загибался, как свиток. Надпись сделана была микроскопическими печатными буквами с сохранением старой орфографии. Сначала чем-то острым (шилом или гвоздиком) выцарапывались углубления для букв, потом они заполнялись золой, разведенной в воде.

Вот что мне удалось с трудом разобрать: «Таймыр... идя на юг... воздушному следу... верховьях реки... назыв... детьми солнца... Птицей Маук... единоборство... жив... помощи...»

– Текст бессвязный, – разочарованно сказал я, поворачиваясь к Савчуку.

– Надо читать между строк.

– А вы прочли?

– Попытался. Начал заполнять пустоты между уцелевшими словами, перебрасывать смысловые мостики...

– И получилось?

– Судите сами.

Савчук вытащил из кармана смятую бумажку, испещренную поправками, и прочел:

– «Я, имярек, потерпев кораблекрушение, попал на Таймыр. Идя на юг по какому-то воздушному следу, после долгих скитаний очутился в верховьях такой-то реки и пришел к людям, называющим себя “детьми солнца”...» Ну как?

– Складно... Дальше.

– Дальше не так складно. Птица Маук?... Пока еще не возьму в толк, что это за диво. Возможно: «столкнувшись с Птицей Маук»?..

– Понял... «Вступил с нею в единоборство»?

– Да, в этом духе. И в заключение: «Меня считают погибшим, но я жив и прошу помощи...» Затем, как водится, фамилия, дата, указание координат.

– Их-то и нет?

– К сожалению, нет. Край записки надорван.

Я в раздумье откинулся на спинку стула.

– В общем приемлемо. Записка, бесспорно, послана с Таймыра.

– А некоторые этнографы, представьте себе, не верят, считают мистификацией, – пожаловался Савчук. – Даже статья появилась: «Странная мистификация в Арктике». У меня есть газетная вырезка. Хотите прочесть?

– Не хочу!

Я фыркнул. Подобная реакция была, по-видимому, приятна Савчуку: он улыбнулся.

– Мистификация? – сердито сказал я. – Чушь, чушь!.. Извините, не могу спокойно. Мне эти скептики в свое время так насолили!.. И какие сомнения? Письмо подлинное! Все говорит за это!

– А что именно, по-вашему?

Я принялся загибать пальцы:

– Внешний вид записки, раз! Экспертиза орнитологов, два! Анализ текста, три!

Этнограф засмеялся от удовольствия и потер руки:

– Я очень рад, что не сомневаетесь в подлинности письма. Но теперь займемся его автором...

3

Савчук перегнулся через мое плечо и постучал пальцем по стеклу, за которым лежала береста.

– Да, займемся автором письма. Кто он?..

– Ну, данных так мало, что...

– Данных немного. Но все же есть кое-что...

– А именно?

– Бесспорно, не иностранец, русский. (Иностранец никогда не написал бы: «единоборство». Обязательно: «поединок».) Надо думать, интеллигентный человек – не зверопромышленник, не простой матрос, не скупщик пушнины. Вывод: русский путешественник, географ, исследователь Арктики. Кто же он?..

Подумав, Савчук уточнил свой вопрос:

– Кто из русских путешественников пропал без вести примерно в период между тысяча девятьсот девятым и тысяча девятьсот семнадцатым годами в этом районе, то есть в море Лаптевых или в Карском море, вблизи берегов Таймыра?

Я молчал.

Это напомнило мне игру в пятнадцать вопросов, которой очень увлекались в мои студенческие годы.

Суть ее заключалась в следующем. Один из играющих задумывал какого-нибудь знаменитого деятеля: писателя, полководца, артиста, ученого. Его противник имел право задать пятнадцать вопросов, касающихся биографии задуманного деятеля. Отвечать разрешалось односложно: «да», «нет».

Выработана была хитроумная тактика этого умственного поединка. К разгадке двигались как бы по спирали, постепенно сужая круги, отсекая все лишнее, не идущее к делу.

Обычно начинали с вопроса: «Жив?» Если ответ был отрицательным, область, таинственного сразу сужалась – среди задуманных могли быть только покойники. Тогда перебирали столетие за столетием: «Умер в двадцатом веке?», «Умер в девятнадцатом, восемнадцатом?» Подобным же способом пытались определить профессию незнакомца и т. д.

На пятнадцатом вопросе, оттеснив своего противника «в угол, к стене», отгадчик торжествующе выкрикивал: «Людвиг Фейербах!», или «Цезарь Борджиа!», или «Анатолий Луначарский!»

О, игра в пятнадцать вопросов требовала начитанности и упорства! Она перетряхивала в памяти знания из самых разнообразных областей.

И вместе с тем в ней было нечто азартное. В трамвае, в коридоре университета, в столовке, в театральном фойе можно было встретить приятеля, который, растолкав толпу, вдруг кидался к вам с криком: «Жив?» Это означало, что он готов отгадывать.

– Что ж, – сказал я нерешительно, – на память приходит только Владимир Русанов.

– Русанов, – повторил Савчук, будто мысленно взвешивая эту фамилию.

– Вы знаете, конечно, что он ставил перед собой задачу пройти Северным морским путем?

– Да.

– Последнее его дошедшее до нас послание датировано августом 1912 года. Он сообщал, что находится несколько южнее Маточкина Шара². Предполагаемый маршрут: северо-восточная оконечность Новой Земли и далее на восток...

– Потом?

– Потом мрак. Арктика на много лет задерживает завесу. Не исключено, что путешественник зимовал где-то на восточном берегу Новой Земли, в тысяча девятьсот тринадцатом году продолжал плавание и был затерт льдами в Карском море. Предполагают и другое: дошел до Северной Земли, о существовании которой не знал, пытался обогнуть ее с севера или проник в пролив, названный впоследствии проливом Вилькицкого...

– Так и пропал, растаял без следа?

– Нет. След Русанова найден. Не очень давно.

– Где?

– В шхерах западного берега Таймыра...

– Тогда несомненно, что...

– Извините, не кончил. В шхерах Минина советские полярники наткнулись на деревянный столб с надписью «Геркулес» (название русановского судна), а несколько восточнее, в тех же шхерах нашли вещи участников экспедиции. Считалось, что там закончилась полярная трагедия Русанова...

Савчук поднял руку, собираясь возразить, но я помешал ему:

– Считалось!.. Я же сказал: считалось!.. Теперь, увидев записку, готов признать, что там была лишь промежуточная база русановцев.

– Ага!..

– И бедняги погибли где-то в глубине Таймыра, пытаюсь пробиться к людям, к жилью.

– Но почему же погибли?

– Как? Вы надеетесь, что выжили?.. Прошло столько лет, более четверти века!

– Вы противоречите себе, – сказал Савчук, поморщившись. – Жизнь дает вам урок оптимизма, а вы проходите мимо, не хотите замечать. Подумайте: долгое время считалось, что Русанов дошел только до восточного берега Новой Земли. Сейчас известно, что он прорвался еще дальше, к берегам Таймыра. Почему же нельзя надеяться, что он или его спутники выжили?

– Создасте в своем воображении бог знает кого, каких-то полярных Робинзонов!

– Но ведь прототип Робинзона реально существовал! Он прожил, по-моему, что-то около пяти лет на своем острове.

– Широты! Вспомните о широтах, мой друг!.. Он жил в полосе тропиков или субтропиков, почти что на курорте. А тут речь идет об Арктике. Разве можно сравнить?.. Таймыр! Самая северная оконечность материка! Тундра, горы, гнездо антициклонов. Учтите также, что потерпевшие кораблекрушение не могли иметь ни запаса продовольствия, ни собачьих упряжек, ни даже, может быть, теплой одежды. Впереди сотни километров бездорожного пути, ледяной ветер, пустыня. Несчастливым буквально негде было приклонить голову.

– А «дети солнца»?.. Опять забыли о названном в письме загадочном народе – о «детях солнца»!

Я некоторое время молча смотрел на Савчука, потом перевел взгляд на свои наручные часы и в ужасе вскочил со стула.

– Без четверти два! Неужели мы будем ночевать в музее? Меня замучат кошмары среди этих орлов, каменных баб и бивней мамонта...

Савчук снисходительно улыбнулся. Он отнюдь не собирался ночевать в музее. Наоборот, предлагал свое гостеприимство. Квартира этнографа, по его словам, помещалась неподалеку от музея, всего в двух-трех минутах ходьбы.

² Пролив, соединяющий Баренцево море с Карским.

Глава четвертая. Жив?.. Умер?.

1

В темной прихожей я споткнулся обо что-то.

– Ах, извините, – смущенно сказал хозяин, вошедший следом. – Такой хаос в квартире. Укладывался, не успел прибрать.

Он зажег свет.

Всюду были разбросаны свертки, рюкзаки, термосы. Грязное полотенце висело почему-то на репродукторе. Посреди письменного стола высились болотные сапоги с отворотами, как обломок статуи Петра Великого, рядом лежали исписанные скомканные бумажки и кусок недоеденной булки.

– Черт знает что! – сказал я с негодованием, ища место, где бы сесть.

Хозяин захлопотал, сунул недоеденную булку в раскрытый ящик стола, с шумом задвинул его, а сапоги переставил на этажерку с книгами. Потом со вздохом облегчения повалился в кресло, считая, по-видимому, уборку законченной.

– У меня не всегда так, – заметил он, впрочем, без особой уверенности в голосе. – Некогда перед отъездом. А главное, понимаете: все время мысли, мысли!..

Не посидев и минуты, Савчук бросился в прихожую и приволок оттуда свиток, который всюду таскал с собой. Это оказались географические карты.

– Что же это я? – закричал он. – Даже карты не показал. Вам же интересно по карте...

Отодвинув скомканные бумажки, Савчук разостлал на столе карту Сибири.

– Где-то здесь, – сказал он и положил на Таймырский полуостров ладонь с растопыренными пальцами.

Где-то? Растяжимое понятие!

Под ладонью Савчука была территория, на которой могло свободно уместиться какое-нибудь европейское государство средней величины.

– И тут прячутся наши «дети солнца»? – усомнился я. – Посреди тундры, ровной, как стол?

– Стол?.. Что вы!.. А Путорана? А Северо-Восточное плато? А горы Бырранга?

– В записке говорилось о верховьях реки, насколько я понял? Где эта река?

– Выбор велик!.. Северный приток Пясины, во-первых. Взгляните-ка сюда!

– Да. Берет начало в отрогах Бырранги.

– Река Ленивая, во-вторых. Вот она.

– Я бы, пожалуй, выбрал Верхнюю Таймыру, – сказал я, вглядываясь в карту.

– Почему?

– Могучая река. В самом центре полуострова. Мне представляется, что гусь с запиской вылетел отсюда.

– Очень возможно.

– Значит, центральная часть Бырранги? Но над нею летают самолеты.

– Что из того? Арктика – царство туманов. Кому, как не вам, знать это? Вы много раз летали над Архипелагом Исчезающих Островов, но так и не увидели его сверху.

– То все-таки было в море. Здесь суша, материк.

– Так ведь пустыня! – Савчук сердито прихлопнул ладонью. – По всем демографическим данным, пустыня. Один человек приходится на триста – четыреста квадратных километров. Мудрено ли затеряться?.. А севернее озера – вот здесь! – настоящее белое пятно. Никто из путешественников не бывал. Тут такие сюрпризы возможны!..

– Пожалуй, – согласился я. – Но для того чтобы отыскать там что-нибудь, нужно дебри руками обшарить. Каждое ущелье на ощупь...

– Вот-вот! – подхватил Савчук. – За примером недалеко ходить. Несколько лет назад Сергей Обручев открыл в Сибири целую горную страну, размерами побольше Кавказа... До Обручева считалось: низменность, никаких гор нет. Закрашивали на картах в зеленый цвет, как полагается закрашивать равнины. А какая равнина, где? Пришли, посмотрели: там горный хребет высотой до трех тысяч метров! Каково?!

Я, конечно, знал об этом. Савчук вспомнил об открытии хребта Черского, и вспомнил кстати.

Что ж, чего не бывает в жизни! Быть может, на севере Таймыра, где-нибудь в неисследованных горах Бырранга, и впрямь затерялся народ, неизвестный этнографам?

– Согласен, – сказал я. – Пустыня. Пока еще пустыня... Но должны же быть вести о «детях солнца». Какие-нибудь неясные, смутные слухи. Знаете, как распространяются слухи по тундре? Как поземка, наперегонки с ветром!

Савчук принялся разглаживать карту на сгибах.

– А почему вы думаете, – спросил он, – что я не придаю значения слухам? Это, если хотите, и есть тот след, по которому пойду. Только это совсем особый след.

– Какой же?

– Этнографический.

– Не понимаю.

– Я уже говорил о нем. Имею в виду обрывки преданий, легенд, украшения, орнамент на одежде. Пойду по этому следу сначала так. – Савчук отметил на карте пункт. – Потом сюда. Остановка здесь. И дальше на север...

Карандаш бойко постукивал по столу. Казалось, не было никаких препятствий на его пути. С легкостью форсировал он реки в тундре, перепрыгивал через пропасти, взбирался по крутым склонам Бырранги. Вдруг карта вырвалась из-под пальцев и снова с раздражающим упрямством свернулась в свиток.

– Фу, черт! – сказал Савчук и обернулся ко мне. – Нет ли чего-нибудь тяжелого под рукой?

Я порылся в карманах кителя, положил на края карты перочинный нож, записную книжку, потом, после некоторого колебания, вытащил маленький компас, сделанный в виде брелока.

– О, – сказал Савчук, заинтересовавшись компасом. – Какая красивая безделушка! Теперь не делают таких... Откуда она у вас?

– Подарок, – ответил я кратко.

– От кого же?

– От друга.

– От Звонкова?

– Нет.

– Тогда от Лизы?

– И не от Лизы.

Я постарался отвлечь внимание Савчука от маленького компаса, так как не был расположен к разговору на эту тему.

– Помилуйте, Владимир Осипович, – воззвал я к его гостеприимству. – Третий час на исходе. Завтра нам уезжать: мне в Сочи, вам на Таймыр. Когда же спать?!

Мы немного поспорили о том, кому спать на кровати, кому на диване. Потом, разместившись, погасили свет.

– Вы спите? – спросил я после некоторого молчания.

– Нет.

- Знаете, о чем я думал, когда давеча ходил с вами по музею?
- Ну?
- Ощутил себя скитальцем во времени. Двадцатый век остался где-то за порогом, – подумал я, – а мы странствуем по залам музея, как по притихшим столетиям.
- Вот как?!
- Я услышал, как пружины кровати застонали под Савчуком.
- Я очень рад, – сказал он.
- Чему?
- Вы начинаете постигать романтику нашего труда – историков. Да, именно скитальцы во времени!.. Любой народ, исчезнувший с лица земли, живет в ученом, который занимается его историей. Талант историка – назовем скромнее: интуиция – состоит, по-моему, в том, чтобы в какой-то степени, пусть на миг, воссоздать в своем воображении этот народ, ощутить себя его современником...
- В этом заключается талант беллетриста.
- И ученого!.. Допускаю, что «дети солнца» давным-давно вымерли, исчезли. Но для меня живы! Понимаете, я думаю о них, и они живы во мне...
- Пружины снова загудели: Савчук устраивался поудобнее.
- Я не рассказывал вам, как выбрал свою профессию? Нет? В детстве, видите ли, довелось прочесть одну книгу. Не помню сейчас ни заглавия, ни автора. Но хорошо запомнил виньетку вначале. Замочная скважина, похожая на арку. Вдали, за аркой, высокие деревья, внизу шалаш, а на переднем плане люди в косматых одеждах, с луками и копьями в руках. Суть, кажется, заключалась в том, что герои повести – два мальчика и девочка – овладели секретом проникать через волшебную скважину и каждый раз неожиданно для себя попадали в прошлое, в девятнадцатый век, в семнадцатый век и даже в каменный. С этой книги и началось мое увлечение историей...
- Профессию выбирают по-разному, – ответил я вяло, потому что не мог знать, что слова Савчука о волшебной замочной скважине звучат почти пророчески. – Меня, например, надоумил школьный учитель географии. Да, мой покойный учитель... Но знаете что, дорогой хозяин? – прервал я себя.
- Что?
- Возникла новая, совершенно оригинальная мысль!..
- Нуте! – заинтересовался Савчук.
- Давайте-ка, друже, прервем наш разговор до утра. Ночью все-таки полагается спать... Савчук послушно замолчал.
- Вскоре до меня донеслось мерное и мирное посапывание. Быть может, Савчуку снилось, что «дети солнца» уже найдены и он делает доклад о своем открытии на конференции этнографов?

2

- Я перевернулся на спину и, забросив руки за голову, уставился в потолок.
- Итак, еще два дня – и я в Сочи. Лягу на зеленую траву под пальмой, сдвину на лоб фуражку и буду дремать, мечтать, пить синеву южного неба, не торопясь, по каплям.
- Отпускник, отпускник!..
- С какого же это года я не был в отпуске?
- Да, пожалуй, с 1933-го, с первой – неудачной – экспедиции к Земле Ветлугина. Потом уже некогда было отдыхать.
- Что ж, отдых заслужен мною, работа сделана!

Пусть это всего лишь три точки на карте, едва заметные на голубом фоне, почти рябь на воде. Для науки значение Земли Ветлугина, бывшего Архипелага Исчезающих Островов, велико. Для меня же открытие их – итог мучительных усилий, итог добрых двадцати лет жизни!..

С детских лет волновала тайна этих островов, поглощала все помыслы, все чувства – всего целиком! И вот тайны нет больше. Завершен труд двух поколений: открыты, изучены и сохранены от разрушения три острова в Восточно-Сибирском море.

Но радость все же неполна. О, если бы мог разделить ее со мной, с Лизой, с Андреем Звонковым, с другими участниками экспедиции ученый, предугадавший открытие островов, больше того, указавший их координаты, – замечательный человек и мой лучший друг, один из выдающихся русских географов, к сожалению, безвременно погибший!..

Я лег на бок, подоткнул получше одеяло, собираясь последовать примеру своего хозяина, и вдруг с удивлением заметил, что совсем не хочу спать.

История с запиской взбудоражила мое воображение.

Кем был этот русский путешественник, который заколдовал дикого гуся и отправил с ним послание – призыв о помощи? Что мешало путешественнику выбраться из тундры, если бы он был еще жив и находился в тундре?..

Возможно, что судьба его удивительным образом переплелась с судьбой загадочного народа – «детей солнца». Не держали ли путешественника в плену? И что означало указание на борьбу с птицей, которая носила имя Маук?..

Ничего нельзя было понять. Короткие, почти бессвязные слова записки напоминали крик, донесшийся издалека, скомканный, оборванный ветром.

Я улегся по-другому. Было не очень удобно на узеньком клеенчатом диване, хотя вообще я неприхотлив. Черт бы побрал эти жесткие валики!

Нет, сон не шел, хоть умри!..

Ну что ж – Русанов? Или кто-либо из участников его экспедиции на «Геркулесе»?

Русанов всегда импонировал мне. Он был русским патриотом, революционером, социал-демократом, долго находился в царской ссылке, мечтал о перестройке Крайнего Севера России, изучал Новую Землю, ратовал в печати за использование малых притоков Печоры (что осуществилось в наше время).

В одной из работ его написано: «Брожу один между скал. Лишь ветер поет мне песни в дуле ружья...» Так мог сказать лишь поэт. Он и был поэтом в душе, как большинство русских путешественников, исследователей Арктики.

Но больше всего сил отдал Русанов решению грандиозной государственной задачи – прокладке Северного морского пути. Он и погиб на полпути к цели, споткнувшись о порог, выдвинутый далеко к северу, – Таймырский полуостров.

Нам, советским полярникам, трудно представить себе условия, в которых Русанов предпринял свою дерзкую попытку.

Достаточно сказать, что у него не было рации. Зимую во льдах, Русанов даже не знал, что началась Первая мировая война.

В таких условиях ни Русанов, ни кто-либо из русановцев не могли спастись, проникнуть в глубь полуострова. Чутье путешественника подсказывало мне это.

Но если не Русанов, то кто же?..

Постепенно очертания предметов – стульев, стола, кровати, на которой спал Савчук, – начали проступать во тьме. Вот так! Скоро рассвет, а мне так и не удалось заснуть.

Безмятежный храп Савчука начал раздражать меня.

Правда, он храпел не так, как некоторые, в ужасе просыпающиеся от собственного храпа, – нет, вполне пристойно, с деликатными переливами, паузами и трелями.

Но меня возмущал сам факт. Как? Этот человек спит, а я не могу сомкнуть глаз?! Он рассказал о загадке, которая мучила его, и успокоился на этом! Сбросил бремя догадок на мои плечи и в изнеможении повалился на подушки, чтобы тотчас же захрапеть самым эгоистическим образом!

В своем негодовании я забывал, что завтра – точнее, сегодня, потому что уже светало, – Савчук отправится на край света для того, чтобы разгадать волновавшую нас обоих загадку.

Не желая больше слышать этого наглого храпа, я оделся, на цыпочках вышел из комнаты и плотно прикрыл за собой дверь. В коридоре я устроился на широком подоконнике.

Нет, не Русанов закольцевал гуся! Кто же тогда, кто?!

Я полез в карман за папиросами, без которых не умею думать. Пальцы наткнулись в кармане на что-то холодное. А, компас-брелок!

«Безделушка», – сказал Савчук. Как бы не так!

Сколько раз получал я нагоняй из-за этого компаса! Как часто люди, не знавшие его истории, принимались укорять меня за то, что я со студенческой скамьи не расстаюсь с ним ни на суше, ни на море.

Знакомые девушки, притрагиваясь к нему мизинчиком, лепетали:

– Талисман? Как интересно!.. – И кокетливо шурились: – Итак, Алексей Петрович, вы верите в талисманы?

Я отмалчивался: я не любил впутывать компас в свои отношения с девушками.

Талисман так талисман. Маленький компас можно было, пожалуй, назвать талисманом, потому что он был подарком друга, замечательного человека, воспоминания о котором всегда бодрили, будили энергию и силы.

Несколько лет компас провисел на стене в бревенчатом доме полярной станции на Земле Ветлугина, охраняя зимовщиков от всяких бедствий. Теперь я забрал его, так как он принадлежит мне, Андрею и Лизе и мы решили пользоваться им «в черед».

Я положил компас на подоконник. Как в детстве, хотелось чуда. Хотелось, чтобы магнитная стрелка, дрогнув, повернулась и замерла, указывая направление, по которому надо идти, в котором надо искать загадочный народ – «детей солнца».

– «Дети солнца» живы во мне! – заявил Савчук.

Но нечто в этом роде мог сказать и я.

Когда-то жил – и умер – человек, подаривший мне старомодный брелок в виде компаса. И он был «жив во мне», хотя гибель его удостоверена очевидцем, а некролог о нем напечатан в «Географическом вестнике».

Много раз в воображении я сопровождал его в толпе других ссыльнопоселенцев, идущих по широкому тракту. Перебирался с ним из Якутска в деревеньку, названную Последней, потому что дальше к северу уже не было деревень. Торопливо помогал ему увязывать вещи в пасмурное утро бегства, которое кончилось для него трагической гибелью.

А что, если?.. Нет, это, конечно, невероятно. Самая невероятная догадка из всех! Хотя...

Я закурил новую папиросу, чтобы собраться с мыслями.

Перед умственным взором моим поднялось из-за плеча Русанова бледное широкое лицо. Светлая, почти соломенного цвета прядь падала на лоб, не очень высокий, но просторный и крутой. Глаза смотрели на меня через старомодные овальные очки с бесконечно добрым выражением, немного устало.

Только сейчас я подумал о том, как много общего с Русановым было во внутреннем облике этого человека.

Так же, как Русанов, он находился в царской ссылке, деятельно изучал Арктику, прокладывая путь для следующего поколения исследователей – для нас, советских полярников.

Так же мечтал о преобразовании Крайнего Севера России, заглядывая далеко вперед, через десятилетия.

И так же таинственно исчез, как в воду канул, в безмолвных просторах Ледовитого океана...

3

В окне светлело. Все явственнее проступали силуэты деревьев. Начали поблескивать крыши домов на противоположной стороне улицы.

Я продолжал неподвижно сидеть на подоконнике, держа компас-талисман в руке, любуясь Москвой, мало-помалу светлевшей, наливавшейся красками. Похоже было, будто капнули водой на переводную картинку. То, что в сумерках казалось тусклым, серым, сейчас, омытое свежей утренней росой, медленно прояснялось, оживало.

«Жив во мне...» Как должен я поступить, если он жив на самом деле? Если это его голос окликнул меня, прорвался издалека, из недр Арктики?..

Я соскочил с подоконника и прошелся по коридору.

Шансов, понятно, очень мало. Пусть даже один из ста. Но нельзя пренебрегать и этим шансом!

Игра в пятнадцать вопросов?

Как бы не так! Для меня, во всяком случае, это была не игра.

Широкое бледное лицо с отброшенной со лба светлой прядью снова всплыло в моем воображении. Теперь было на этом лице мучившее меня выражение молчаливого вопроса, как бы ожидания.

Из-за стены раздался профессионально-бодрый голос: «Дышите равномерно! Следите за дыханием!»

Стало быть, Савчук уже поднялся и, включив репродуктор, делает гимнастику!

Вскоре он вышел из комнаты с полотенцем через плечо. Спущенные подтяжки щелкали его по ногам при каждом шаге.

– Вы здесь? – удивился он. – Я думал: принимаете душ. Как спалось?

– Да как вам сказать...

– Позвольте, а это что? – В изумлении он указал на кучу окурков, лежавших на подоконнике. – Не спали всю ночь? Заболели? Что с вами?

– Потом объясню... Ответьте-ка на один вопрос. Заполнены ли штаты вашей экспедиции?

– Ну, экспедиция – это громко сказано. Еду, собственно, я один. В Новотундринске найму проводника, подсобных рабочих, если понадобятся.

– Мог бы вам рекомендовать рабочего. Исполнительный. Непьющий. Бывал в Арктике. Ручаюсь за него, как за самого себя...

– Не знаю, право, – пробормотал Савчук, с сомнением глядя на меня. – К чему мне везти его из Москвы? Да кто он?

Я поклонился.

– Вы шутите! – Савчук уронил полотенце. – Подсобным рабочим? Вы? Но ведь вы кандидат наук, были начальником полярной станции!

– Устроит любая должность, лишь бы ехать с вами.

– Вы же едете в Сочи! Отпускник!

– Проведу отпуск на Таймыре.

– Нет, вы смеетесь надо мной! – сказал Савчук плачущим голосом.

– Уверяю вас, никогда не говорил более серьезно.

– Конечно, очень рад... И в Институте этнографии не будет возражений. Но я не могу понять, уяснить... В театре и в музее вы были настроены совсем иначе.

– Да, правильно. Решение оформилось позже, этой ночью.

Я сгреб окурки с подоконника и аккуратно высыпал в мусорный ящик.

– Когда же мы едем?

– Вылет назначен на десять часов. Но хотя бы вкратце, Алексей Петрович, в двух словах...

Через стену донесся голос диктора, объявлявшего погоду:

– Ночью на Земле Ветлугина – тридцать пять градусов мороза, в Нарьян-Маре – двадцать восемь...

Я повернулся к Савчуку.

– Видите ли, уважаемый Владимир Осипович, – сказал я, – не исключено, что автором записки на бересте был мой учитель географии, понаслышке известный вам, – Петр Арианович Ветлугин...

Глава пятая. На Таймыр!

1

Ну и что из того, что на Земле Ветлугина тридцать пять градусов, а в Нарьян-Маре – двадцать восемь? Нужды нет! Летим на Север, в Арктику!.. От вращающегося пропеллера вихрь поднялся на аэродроме. Савчук, стоящий на земле внизу, что-то кричит мне, азартно размахивая руками, но за ревом мотора не слышно ничего.

– Подать? – переспрашиваю я. – Что подать? Принять?..

Савчук сердится на мою непонятливость, азартнее прежнего размахивает руками. Он без шапки. Длинные прямые волосы его стоят дыбом. Полы пальто раздувает ветер.

– Ага! Мешок принять?

Я помогаю пилоту принять от Савчука мешок с баранками.

– Ф-фу!.. Ну, все как будто!

Пилот Жора укоризненно глядит на меня. С вылетом запоздали на три часа – и все по моей вине.

Что поделаешь! Не так просто изменить маршрут с Сочи на Таймыр, рывком развернуться чуть ли не на сто восемьдесят градусов!..

Только к тринадцати часам (вместо десяти!) все наконец уложено и улажено. Путевка возвращена в Управление полярных станций, майки, купленные для Сочи, спрятаны в гардероб до будущего лета, из чемоданов вместо маек извлечены выдавшие виды рукавицы, свитер, шерстяные носки и прочее полярное обмундирование.

В управлении горячо поддержали мое решение лететь на Таймыр – имя Ветлугина говорило само за себя. Да, в конце концов, я ведь был вправе распоряжаться своим отпуском.

Лизе я дал телеграмму (потом оказалось, что та не застала Лизу на месте).

Неожиданно быстро уладился вопрос о должности. Директор Института этнографии оказался бывалым путешественником, привыкшим принимать решения на лету. Не будучи сибиристом, он все же читал о Ветлугине и, когда я, представившись, принялся объяснять, почему так круто меняю маршрут, понял меня с полуслова.

– Только почему подсобным рабочим? – спросил он. – Это ни к чему. Ведь мы снабжаем Савчука рацией. Желаете сопровождать его в качестве радиста? Вы знаете радиодело?

На полярных зимовках практиковалось изучение смежных профессий, с тем чтобы в случае нужды один зимовщик мог заменить другого. В свое время я изучил радиодело.

– Вот и чудесно! – обрадовался директор. – Поезжайте радистом. Приказ будет отдан сегодня же.

Прощальные рукопожатия сопровождались самыми лестными для меня словами:

– Будем очень благодарны за помощь. Конечно, ваш ценный опыт и познания... Ваша репутация полярного путешественника...

Раскланиваясь, я решил, что директор института, наверное, увидел во мне няньку, в которой нуждается Савчук.

Но Савчук совсем не нуждался в няньке.

Уже на аэродроме он начал удивлять меня. Куда девались его неповоротливость и рассеянность! Он метался взад и вперед между машиной и самолетом, с легкостью перебрасывал свертки и чемоданы и даже прикрикнул на меня, когда я, зазевавшись, не успел подхватить на лету его богатырские болотные сапоги.

Я не обиделся. С рассвета этого дня владело мною ощущение какой-то радостной приподнятости.

Душа была уже в полете!..

А вскоре за душой последовало и тело. Со стуком захлопнулась дверца кабины, и аэродром с поспешно отбежавшими от самолета техниками, со стартером, державшим в руке флажок, с полосатой «колбасой», вытянувшейся по ветру, покатился назад и вниз.

– Ну, теперь расскажите о Ветлугине, – нетерпеливо попросил Савчук, придвигаясь ко мне. – Эту историю я знаю частично со слов Лизы и от друга Ветлугина по ссылке, Овчаренко. Что произошло с ним после побега? Почему вы надеетесь найти его на Таймыре?

Что я мог ответить своему спутнику? Мои догадки и надежды были пока еще такими неопределенными, шаткими...

Признаюсь, хотелось помолчать, побыть наедине со своими мыслями. Однако Савчук не унимался. Чтобы переменить разговор, я спросил, как поживает его грипп. Оказалось, что грипп Савчук забыл на аэродроме.

– Всегда делаю так, когда выезжаю из Москвы, – пояснил он, широко улыбаясь. – Теперь ему, гриппу не поспеть за мной!..

Куда уж там поспеть!..

Мы стремительно возвращались в зиму из весны.

За оградой аэродрома осталась мартовская Москва, пахнувшая дождем и сочинской мимозой. Подмосковные леса зачернели внизу. А в районе Ярославля снег на полях потерял желтоватый оттенок и заискрился-замерцал совсем по-зимнему. Потом брызнуло из-под крыла ослепительное сияние. Так встречала нас ледяная гладь Рыбинского моря.

Неподалеку от этих мест, в захолустном уездном городе, который стал впоследствии приморским городом, начинался след Петра Ариановича Ветлугина. Терялся же бог весть где – на самом краю света, там, за туманной чертой горизонта...

Вспомнилось, как опальный учитель географии, покидая Весьегонск, прощался у шлагбаума со своими маленькими друзьями (девочка жалостно хлюпала носом, мальчики хмурились, крепились изо всех сил). В трогательных выражениях он благодарил «за бодрость, верность, за веру в мечту». И уже в пролетке, спохватившись, что не запасася прощальным подарком, рванул цепочку от своих часов и протянул на ладони компас, служивший ему брелоком.

Я с беспокойством провожу рукой по внутреннему карману кителя, где в особом кожаном футляре хранится маленький компас. Не оставил ли его впопыхах на подоконнике в квартире Савчука? Нет, компас цел, со мною, как всегда.

Савчук то и дело поглядывал на меня, откашливался, порываясь продолжать разговор, но, наверное, выражение моего лица останавливало его.

Затем мой спутник, привалившись к тюкам с почтой, занялся изучением географической карты. Я могу теперь без помехи думать о Петре Ариановиче, представлять себе его лицо, воскрешать в памяти интонации его голоса.

А самолет тем временем мчится все дальше и дальше на север, и маленькая тень бежит за ним по снегу, как жеребенок за матерью...

2

В Нарьян-Маре Савчуку пришлось похлопотать. Наш самолет был почтовый. Его хотели дополнительно загрузить, а нам – двум пассажирам – предложили дожидаться следующего самолета, который должен был прибыть через три дня.

Нас это, понятно, не устраивало, и я уже начал нервничать. Впрочем, мое вмешательство не понадобилось. Савчук не отходил от начальника аэропорта до тех пор, пока тот не выскочил из конторы, хлопнув дверью, и не завопил на весь аэродром:

– Да ладно уж, летите этим самолетом, летите! Посылки подождут!

По собственному опыту я знал, что такое настойчивость Савчука.

Любопытно было наблюдать моего спутника в действии. При его громоздкости это отчасти напоминало снежную лавину, катящуюся с горы, все сметающую на своем пути.

Он определенно оживал и веселел по мере продвижения к Таймыру.

Когда нас разместили на ночлег, неизменно бодрый Савчук снова принялся одолевать меня расспросами.

– Почему все же Ветлугин? – бормотал он над ухом: говорить приходилось вполголоса, потому что на соседней койке спал наш пилот Жора. – Русанов – это понятно, но Ветлугин?.. Никак не могу взять в толк. Бывшая деревня Последняя – ныне Океанск – и Таймырский полуостров!.. Между ними огромное расстояние, непроходимая тундра, множество мелких, преграждающих путь рек, наконец, Хатангский залив!..

– Морем можно добраться скорее, – ответил я кратко.

– Морем? Но почему морем?

– Потому что Ветлугина унесло на льдине в океан.

– Унесло, правильно!.. Овчаренко видел это. Стало быть, погиб?..

– Я бы и сам думал так, если бы не был гидрологом. Профессия помогает мне сохранять оптимизм.

– Не понимаю связи.

– Она проста. У восточного берега Таймыра есть постоянное береговое течение. Если ветры, дувшие во время побега Петра Ариановича, были благоприятны, то льдину, на которой он находился, могло отжать к берегу. Где, в каком месте – трудно сказать...

– Но ведь льдину, должно быть, долго носило по морю?

– Да, несколько дней.

– Чем же он питался эти дни?

– Известно, что в мешке у Ветлугина был запас продовольствия. Кроме того, с ним было ружье. Он мог убить тюленя или белого медведя. В этом случае мяса и жира хватило бы надолго.

– Впервые слышу о возможности такого путешествия на льдине!

– Вы, наверное, незнакомы с соответствующей литературой. Русанов в своей книге приводит несколько случаев.

– Русанова не читал.

– Возьмите хотя бы историю этого ненца... как, бишь, его?.. Учю или Упа, не припомню имени...

– А что с ним произошло?

– Он охотился в мезенской тундре, увидел белого медведя на льдине, которую прибило к берегу, и убил его...

– Так...

– Ветер переменялся, пока охотник сдирает шкуру с медведя, и льдину отнесло от берега. Учю оглянулся, а вокруг уже вода. Что делать? Льдину с ним и с медведем тащит на северо-восток, в открытое море.

– Он бы вплавь!

– Куда там!.. Ледяная вода! А может, и плавать не умел, не знаю... Но вы поразитесь, когда узнаете, куда прибило льдину с ненцем...

– Куда же?

– Ну, как думаете куда?

– Остров Колгуев?

– Дальше!

– Неужели Нарьян-Мар, где находимся сейчас?

– Гораздо дальше!

Савчук недоверчиво молчал.

– Обская губа, – сказал я.

– Невероятно!

– Русанов – признанный авторитет, – заметил я внушительно. – Сведения его всегда достоверны, безупречно достоверны.

– Нет, я не то хотел сказать. Действительно, огромное расстояние, сотни километров!.. Льдину, конечно, протащило через Югорский Шар и Карские Ворота?

– В том-то и дело, что нет. Ненца обнесло вокруг Новой Земли.

Савчук только крикнул.

– Это, заметьте, случилось в начале лета. Охотник вынужден был, понятно, строго соблюдать медвежью диету.

– Да, убитый медведь пригодился.

– Еще как! Сало и мясо медведя охотник ел. Шкурой укрывался.

– Лыдина со всеми удобствами, – пробурчал Савчук в подушку, но я услышал его.

– Все еще не верите? Напрасно! Вы просто никогда не изучали морских течений. Они прихотливы... Согласен, ненцу повезло... Так вот, он плыл и плыл себе, дожидая своего медведя. И вдруг однажды, высунув голову из-под медвежьей шкуры, увидел берег. Вдали среди туч виднелись горные вершины, голые и черные, местами покрытые снегом. Учу понял: это Новая Земля.

– Куда махнул, однако!..

– Я передаю вам то, о чем писал Русанов. Хотите слушать дальше?

– Просто комментирую про себя...

– Ну-с! Целое лето лыдина с ненцем плыла вдоль западного берега Новой Земли. К осени обогнула Новую Землю и вошла в Карское море. Горы скрылись из глаз. В октябре охотник снова увидел низменные песчаные берега, похожие на его родную мезенскую тундру. Он удивился. Неужели, как в сказке, вернулся домой?.. Сильно обтаявшая лыдина близко подплыла к берегу, и ненец вброд перебрался на землю. Оказалось, что он высадился на правый, восточный берег Обской губы.

– Самое удивительное путешествие, о котором когда-либо слышал, – изрек Савчук после паузы.

– Значит, просто не слышали об удивительных путешествиях, – сказал я сердито. – Люди в Арктике чувствуют себя на льдинах иной раз надежнее, чем на борту корабля. Тот же Русанов рассказывает об одном зверопромышленнике, которого бросили на произвол судьбы посреди Карского моря.

– Как так?

– А так! Зверопромышленники били тюленей на большом скоплении льдин. Поднялась буря. Хозяин, владелец корабля, трусил, снял только тех охотников, которые находились поблизости, а за последним, дальним, не решился идти. Охотника сочли погибшим. А через полтора или два месяца тот появился домой жив-живехонек. Оказывается, носило его по всему Карскому морю. Ничего, обжился на льдине. С голоду не пропал. Были у него патроны, ружье, приспособил удочку... И прибило этого счастливчика – где бы вы думали?

– Не знаю уж, что и думать.

– К Таймырскому полуострову! Цели нашего с вами путешествия. Зверопромышленник вышел на берег Харитона Лаптева, между устьем Енисея и мысом Челюскин... Аналогия полная! Удивляюсь, как вы не замечаете ее!

– С чем аналогия?

– Да со спасением Ветлугина! Предполагаемым спасением, – поправился я. Разница только в том, что ветлугинская лыдина прошла не мимо западного, а мимо восточного берега Таймыра. Ведь Океанск – бывшая деревня Последняя – расположен на восток от Таймыра.

- Вы сказали, что у Ветлугина было с собой ружье?
- Да. И запас сухарей. К сожалению, записка написана печатными буквами. Я сразу бы узнал почерк Петра Ариановича...
- В записке нет указаний насчет льдины.
- Петр Арианович вынужден был экономить место. Он сообщал только о самом главном, о самом важном... Нет, все прекрасно укладывается в эту схему. Хотите, объясню, как представляю себе развитие событий последовательно одно за другим?
- Слушаю вас. Только говорите тише: мы разбудим Жору.
- А я и не сплю вовсе, – подал голос пилот. – Я уже давно не сплю. Ну так как же оно было, по-вашему?
- Ветлугин и Овчаренко находились на поселении в деревне Последней, там, где теперь Океанск. Читали об этом? – обратился я к пилоту.
- Нет, не пришлось как-то.
- Об этом сообщали в свое время. Ну вот! В 1916 году ссыльные решили бежать. Сговорились с американским контрабандистом Гивенсом – тот второе лето приходил в устье реки, торговал из-под полы спиртом, скупал за бесценок пушнину. Ссыльные отдали ему за услугу пятьдесят или шестьдесят шкурок песца – все, что было у них. Но Гивенс подвел, обманул.
- Гад! – коротко определил Жора.
- Совершенно верно. На рассвета (дело было в конце августа или даже в сентябре) Ветлугин и Овчаренко стали перебираться к кораблю по льдинам берегового припая. Вдруг крики за спиной, выстрелы. Погоня!
- Погоня-то откуда?
- А это казаки прибыли из Якутска. Гивенс заблаговременно предупредил начальство.
- Ну как же не гад?!
- Да, деловой человек: и с ссыльных пятьдесят шкур содрал, и перед якутским начальством выслужился... Беглецы увидели: дело-то оборачивается по-плохому. Ветлугин побежал к кораблю. Овчаренко приотстал. Льдину, на которой стоял Ветлугин, оторвало от берегового припая и понесло.
- Куда понесло?
- В море. В открытое море. Куда же еще?
- Неужели Гивенс шлюпки не спустил?
- И пальцем не шевельнул. Ушел домой на восток. А льдину с беглецом потащило на запад.
- Жора с отвращением сплюнул и повторил фамилию американца, переиначив ее в обидном для того смысле.
- Представьте себе, – продолжал я, – что льдина с Ветлугиным плывет на запад. День плывет, два, три, неделю – не знаю сколько. Вокруг полным-полно льдин, все бело до самого горизонта. Ветлугин не видит земли, хотя она, возможно, близко, совсем рядом...
- С левого борта, – вставил пилот.
- Он мог только догадываться об этом. Ледяные поля то останавливаются, то опять возобновляют свое движение. Во время одной из таких остановок по каким-то признакам (не знаю, по каким) Ветлугин определяет, что караван льдин приткнулся к берегу. И он перебирается на землю. На юге синеют горы. Это Таймыр, горы Бырранга!
- Даже не полярный Робинзон, а какой-то Синдбад-мореход, – пробурчал Савчук.
- Извините, это столь же правдоподобно, как ваши сказочные «дети солнца».
- А чего сомневаться-то? – неожиданно поддержал меня Жора. – Папанинцы сколько времени дрейфовали на льдине? А ненцы-охотники, о которых писали в книгах? Почему же товарищ Ветлугин не мог выжить, уцелеть? Я бы, например, выжил! – Он спохватился, что

это может показаться похвальбой, и поспешил добавить: – То есть, конечно, приложил бы все старания, чтобы выжить.

Но Савчук молчал. Укладываясь на узкой койке, он принялся ожесточенно взбивать подушку и подтыкать под спину одеяло.

– Однако довольно смелая гипотеза, – пробормотал мой спутник, смущенно побряхтывая, и по этому побряхтыванию я понял, что не убедил его.

3

Из Нарьян-Мара мы вылетели затемно. Теперь наш курс лежал не на север, как раньше, а на северо-восток. Когда пилот поднял самолет на две тысячи метров над землей, стало видно солнце. Огромный красный диск медленно выплывал навстречу из-за гор.

В полном молчании, сидя каждый у своего окна, мы наблюдали торжественный восход солнца.

Сомнения, высказанные моим спутником по поводу предполагаемого спасения Ветлугина, вызвали небольшую размолвку между нами. Во время завтрака, при шумной поддержке Жоры, принявшего судьбу Петра Ариановича близко к сердцу, я назвал Савчука архивным деятелем, бумажным человеком, лишенным воображения. Последнее как будто особенно уязвило его, и он надулся. Он дулся на меня почти всю дорогу от Нарьян-Мара до Дудинки.

Может быть, я проявил неумеренную горячность? Изложенный мною вариант спасения Ветлугина и впрямь был фантастическим, я сам понимал это.

Совість мучила меня. То и дело я косился на громоздкую фигуру в меховом пальто, угнетенно сутулившуюся у окна.

Угрюмые хребты полезли под крыло. Это был Пай-Хой – горная страна, северное продолжение Урала.

Мы пролетели над Югорским полуостровом. Влево остались Амдерма и Хабарово, вправо – Воркута, новый индустриальный город, дальний заполярный родич уральских индустриальных городов.

Перешагнули Пай-Хой. А дальше уже Азия, Сибирь!

Под крылом засияла широченная полоса – залив, скованный льдом.

– Обская губа, – сказал я, глядя в окно.

Савчук кивнул.

– Вернулись из марта в январь, – продолжал я.

– В январь?.. Почему?

Я поспешил пояснить свою мысль. В Москве снег стоял, туман низко висит над домами, иногда моросит дождь. Здесь же зима еще в полной своей красе и силе. И обский лед тверд, прочен на вид, не то что лед Рыбинского моря, который уже пошел полосами – предвестие ледохода.

На самолете двигаемся встречь времени, как бы перебрасывая назад листки календаря.

– Что ж, мысль справедливая, но имеет и другой, более глубокий смысл, – сказал Савчук, поворачиваясь ко мне всем корпусом. (Честная душа, он не заподозрил маленькой хитрости, подвоха с моей стороны. Ведь я просто искал повода для примиряющего разговора.)

Этнограф развернул свиток, лежавший перед ним на тюках. Я ожидал увидеть обычную карту Сибири, нечто вроде зеркала, в котором отражается все, что проносится внизу. Но это была историческая карта. Цветные полосы пересекали ее во всех направлениях.

– Семнадцатый век, – сказал мой спутник. – Сибирь к нашему приходу, то есть к приходу русских.

– Итак, перед нами карта не настоящего, а прошлого Сибири? Проникаем в волшебную замочную скважину?

Савчук с недоумением посмотрел на меня.

– Виньетка в книге, помните?

– Ах да! Ну конечно. Скитальцы во времени!

– На самолете – в семнадцатый век!

– Как знать, как знать... – сказал задумчиво мой спутник. – А может быть, еще дальше...

Я с любопытством, уже неподдельным, нагнулся над картой.

– Оранжевый цвет – юагиры, древнейшие жители Северной Сибири, – пояснил Савчук. – Синий показывает расселение ненецких племен. С юга наползает желтизна, надвигаются эвенки...

– Северная часть Таймыра, я вижу, не закрашена.

– Не зря же мы летим туда.

– Белое пятно в этнографии?

– Именно.

– А что обозначают красные стрелки?

– Пути продвижения русских первооткрывателей Сибири.

– Стрелки обрываются на полдороге к белому пятну.

– В семнадцатом веке не проникли в горы Бырранга.

– Не проникли, насколько я понимаю, и в восемнадцатом, и в девятнадцатом, и в двадцатом. Почему? Горы Бырранга очень высоки, являются неодолимой преградой?

– Нет, горы не очень высокие. Просто считалось (и до сих пор считается), что идти туда незачем.

Савчук вытащил из кармана небольшую книжку, перелистал ее, нашел нужное место.

– «Северная часть полуострова, начиная с хребта Бырранга, – прочел он, – совершенно необитаема для человека». Это новинка, – добавил он, – последнее по времени исследование о Таймыре, очень ценное. Автор – Александр Попов. Издание Академии наук. Называется «Тавгийцы».

– Кто это – тавгийцы?

– Их именуют еще нганасанами, народом ня. Старое название – самоеды...

Он быстро перебрал несколько страниц.

– «Тавгийцы – наиболее богатые оленеводы среди народов Крайнего Севера...» Нет, не то! «Тундра – родная стихия тавгийца, как знойные пески для бедуина...» Тоже не то! Ага, вот: «Тавгийцы – самая северная этническая группа Старого Света». Имеются в виду Европа и Азия.

Савчук опустил книгу на колени. Глаза его блестели.

– Вы видите, нужна поправка к этому утверждению, – заключил он. – Самым северным народом в Советском Союзе, а значит, и во всей Евразии являются не нганасаны (или тавгийцы), но «дети солнца».

– Которых обнаружил в горах Бырранга Петр Арианович Ветлугин, бежавший из царской ссылки, – сказал я тоном, не терпящим возражений.

Савчук поколебался с минуту.

– Да. Которых обнаружил в горах Петр Арианович Ветлугин, – согласился он добродушно.

«Перемирие» было заключено между нами на этих условиях.

Ночевка в Дудинке, на берегу Енисея, прошла очень спокойно, к удивлению, а может быть, и огорчению пилота Жоры. Ему, видимо, нравилось присутствовать при споре двух ученых, сохраняя при этом глубокомысленный вид третейского судьи.

Рассвет следующего дня был холодным, синим. Меня и Савчука он застал уже в кабине самолета.

Когда мы поднялись над Дудинкой, я не увидел ее прощальных огней. Мороз на совесть выбелил окна кабины. Пока я дышал на стекло и торопливо скреб его ногтями, как делают в трамвае, когда хотят проверить, не проехали ли остановку, город остался позади. Только оранжевое зарево, охватившее добрую четверть неба, напоминало о Дудинке. Вскоре исчезло и оно.

Наш пилот, боясь обледенения, поднимал самолет все выше и выше. Под крыльями зацепились облака. Сидевший на тюках Савчук зевнул (в который уже раз!) и зябко поежился.

– Брр! – сказал он, поймав мой взгляд.

– Прохватывает?

– Еще как!

Разговор на таком холоде, понятно, не мог быть более содержательным.

По курсу самолета – один из самых юных наших заполярных городов, Новотундринск, раскинувшийся на самой границе леса и тундры. Там придется попрощаться с Жорой и пересесть с самолета на санки, запряженные оленями. Что ж, повернемся спиной к цивилизации, к двадцатому веку, и углубимся в каменный, стремясь на поиски сказочных «детей солнца»!

Воображаю, как холодно будет на санках!..

Солнце появилось в положенный час. Оно появилось даже раньше положенного часа, так как мы летели на очень большой высоте. Огромный шар выкатился на край горизонта, и колышущиеся, как океан, облака бережно приняли его. Тотчас же длинные алые пятна, будто следы брызг, протянулись по облакам с востока на запад.

Я засмотрелся на игру солнечных лучей. Наверное, впереди от вращения пропеллера образовался пестрый вихрь, радужные концентрические круги.

«Дети солнца»... Странное название – «дети солнца»!..

К ним шли (но не дошли) первооткрыватели Таймыра, лихие стрелыцы Мангазейского острога. К «детям солнца» шел (и пришел!) с северо-востока, со стороны моря Лаптевых, беглый ссыльнопоселенец Ветлугин. К ним стремились и мы теперь.

В горы Бырранга, на Таймыр, на Таймыр!..

Пригревшись на солнышке у окна, я незаметно задремал.

Меня разбудила тишина. Рев моторов прекратился. Рядом стоял улыбающийся Савчук.

– Как? Уже Новотундринск? – спросил я, вскакивая.

– Видите, как хорошо, – сказал мой спутник. – И не заметили, как долетели. А сколько лет пришлось добираться до Таймыра землепроходцам, первооткрывателям!..

– Так ведь то было три века назад, – пробормотал я, протирая глаза и стряхивая дремоту.

Глава шестая. Киносеанс в тундре

1

Новотундринск, районный центр, стоит на краю леса.

Приблизясь к тундре, лес не обрывается круто. Низкорослые, кривые лиственницы – все, что осталось от могучей сибирской тайги, – еще цепляются за жизнь в долинах рек. Там они хоронятся от свирепых ветров, находят влагу, питательные вещества, принесенные сверху (то есть с юга) течением. Повторяя речные извивы, полосы леса проникают далеко на север. Это как бы мыски, врезающиеся в безлесную арктическую степь.

Новотундринск расположен на одном из таких мысков.

Город был совсем еще молод, только отстраивался. На каждом шагу рядом с деревянными домами попадались остроконечные чумы, крытые оленьими шкурами, напоминавшие обыкновенные шалаши. Некоторые улицы представляли собой пока что пустыри, и лишь дощечки с названиями свидетельствовали о том, что тут в ближайшее время – возможно, даже этим летом – поднимутся дома.

Тундра росла ввысь, тундра строилась!..

Мы прибыли в Новотундринск во второй половине дня. Пока добирались до Дома приезжих, распаковывали вещи, умывались, уже свечерело. (В это время года смена дня и ночи за полярным кругом происходит так же, как и в средних широтах.)

Полагалось бы малость отдохнуть, но Савчук не хотел и слышать об отдыхе. Наспех перекусив, он потащил меня в Новотундринский райком партии.

– В райком? Почему в райком? – удивился я.

– А я так привык. Полевую работу обязательно начинаю с посещения местных партийных организаций. Понимаете, очень важно для ориентировки: указывают нужных людей, подсказывают решение, помогают уточнить маршрут...

Мысль показалась мне здоровой – спутник мой, видимо, умел разбираться не только в архивах и был сейчас в своей сфере.

По дороге в райком я остановился у группы лиственниц.

Дерево это по справедливости можно назвать северным оленем среди растений, гак оно неприхотливо.

Корни его обычно углублены в почву не более чем на десять сантиметров.

Глубже начинается уже вечная мерзлота. И на этом тоненьком пласте живет дерево – невысокое, по пояс человеку, но коренастое, упрямое, с сучьями, наклоненными к земле.

– Похоже на путника, который бредет против ветра, – сказал я. – Лбом рассекает воздух, наклонился вперед, широко расставляет ноги, приседает, напрягается и все же идет, идет!..

Мы некоторое время с уважением постояли у группы лиственниц и двинулись дальше.

Однако в райкоме нам не повезло: секретарь райкома был занят.

– Проводит совещание со строителями города, – пояснила девушка в приемной. – Приходите часика через полтора-два. Как о вас передать?

Савчук назвал себя.

Мы вышли на улицу и остановились в нерешительности. Куда деваться? Чем заполнить паузу – эти полтора-два часа?

Меня поразило оживление, царившее в Новотундринске. Мимо одна за другой проносились олени упряжки. На санках сидели колхозники-нганасаны в добротных сокуях³, укра-

³ Верхняя одежда.

шенных разноцветными узорами, с развевающимися за спиной красными, синими и зелеными суконными лентами. Они весело перекликались и размахивали длинейшими шестами – хорейми. Почему-то все ехали в одном направлении.

– Движение, как по улице Горького в часы пик, – пошутил я.

– Праздник? – недоумевающе сказал мой спутник. – Сегодня нет праздника... Ярмарка? И ярмарки нет...

– А вы остановите и спросите кого-нибудь из нганасанов, – посоветовал я. – Вы знаете нганасанский язык?

– Только теоретически. Как этнограф. Но я хорошо знаю якутский. А вадеевские нганасаны понимают по-якутски.

– Чего ж лучше!

Савчук поднял руку, как это делают милиционеры ОРУДа, и, остановив проносившуюся мимо упряжку, обратился к ее владельцу за разъяснениями.

Спрошенный произнес в ответ длинную фразу. Савчук с недоумением посмотрел на него, потом обернулся ко мне.

– Сны на стене? – повторил он по-русски. – Сны на стене смотреть?..

Нганасан сказал еще что-то.

– О чем это он? – поинтересовался я.

– В круглых ящиках привозят сны?..

– Ах, в круглых! – Меня осенило: – Так ведь это кино!

Нганасан, как снежный вихрь, умчался на своих санках, а мы продолжали стоять посреди улицы.

– Кино? – повторил в раздумье Савчук. – Это, должно быть, интересно: в тундре кино! Я никогда еще не видел в тундре кино. Может, сходим, Алексей Петрович?

Я, однако, больше склонялся к тому, чтобы вернуться в Дом приезжих. Пилот Жора, с которым мы успели сдружиться за дорогу, наверное, собрал в ожидании нас походный ужин. Неплохо бы погреться в сухих шерстяных носках у печки, задумчиво глядя на прыгающие огоньки, слушая краем уха, как расторопный Жора хлопотливо позванивает за спиной тарелками и стопками.

– Успеете погреться, – осадил меня Савчук, в характере которого все более явственно начинала проступать деспотическая жилка. – Нет, посмотрим-ка лучше кино!

– А какая картина?

– Да разве в картине дело? Интересно на самих зрителей посмотреть.

С этим я согласился.

2

В Новотундринске еще не построили кинотеатр, и поэтому сеансы давались в школеновостройке. Она видна была издалека, все ее три этажа, сложенные из отборных бревен, – чуть ли не самое высокое и красивое здание в городе.

Вокруг школы, показалось мне, рос кустарник или карликовый лес. Лишь приблизясь, я понял, что ошибся. То был не лес и не кустарник, а рога оленей, стоявших и лежавших на снегу перед крыльцом. Кроткие животные смирно ожидали своих хозяев. Судя по количеству оленей, смотреть «сны на стене» собрались люди по крайней мере из пяти или шести нганасанских стойбищ.

Мы опоздали к началу сеанса и вошли в зал, когда там было уже темно. Зал, надо думать, был набит до отказа. Сильно пахло прелыми шкурами.

Я пристроился на краешке скамьи. Савчук, пыхтя, уселся за моей спиной.

Иногда потрескивание аппарата и взволнованное дыхание зрителей заглушалось шепотом. Кое-кто из присутствующих уже видел картину и спешил оповестить новичков о том, что будет дальше.

Сегодня демонстрировался киножурнал, но реакция зрительного зала была бурной, пожалуй, более бурной, чем если бы показывали самый захватывающий приключенческий фильм. То, что выглядело обычным где-нибудь в калужском или полтавском колхозе, воспринималось здесь как нечто поразительное, волшебное.

На экране стояла смущенно улыбавшаяся птичница, окруженная белыми цыплятами-леггорнами, и кормила своих суетливых питомцев. По залу перекатывалась волна взволнованных возгласов.

Подумать только: птица не улетает от человека, как ей положено! Больше того – принимает пищу из рук!

Нганасанам, народу оленеводов и охотников, которым известны только дикие птицы, это представлялось чудом.

В глазах мельтешило от белого колыхания. Леггорны сбегались к птичнице со всех сторон. Некоторые взлетали к женщине на плечи. Она тонула среди них, как в снегу.

Мой сосед-нганасан, повернувшись ко мне, чуть было не столкнул меня со скамьи.

– Чего смотрит эта женщина? – пронзительно закричал он, довольно правильно выговаривая по-русски. – Почему не хватает птиц, не скручивает им головы?

Я не успел ответить, потому что на экране появился инкубатор. Как? Обыкновенный ящик высидит птенцов?!

Гомон и смех стояли в зале. Школьники звонкими голосами объясняли что-то своим родителям, быть может, высчитывали количество яиц, которые за раз подкладывают под эту диковинную железную наседку. Было от чего ахнуть.

Но больше всех ахал и удивлялся мой сосед. Это был, видно, один из тех добрых людей, которые не могут восторгаться в одиночку, а должны постоянно разделять с другими все переполюющие их грудь чувства. Он то поворачивался ко мне, больно толкаясь острым локтем, то привставал с места и переговаривался через весь зал со знакомыми, пока его сердито не одергивали сидящие сзади.

Удовольствие зала достигло наивысшей точки, когда птицеводческую ферму сменили на экране свекловичные поля.

Сахар в тундре появился сравнительно недавно, и многие зрители полагали в простоте, что его добывают на копях, откалывая кусками, как уголь, от высоченной, под облака, Сладкой Горы.

Сейчас нганасаны воочию убедились, что это не так. Сахарную свеклу собирают на полях, вытаскивая из земли, потом везут на завод, варят, отжимают, перерабатывают, прессуют.

Мой сосед снова заерзал на месте от энтузиазма.

– Довольно прыгать, друг, – сказал я, цепляясь за парту, чтобы не упасть. – Угомону на тебя нет!..

Зажегся свет. Я огляделся.

На глаз тут было человек восемьдесят, по тундровым масштабам – тьма народу. Странно было видеть, что взрослые, большие люди сидят за маленькими партами, скрючившись в три погибели, почти касаясь подбородка коленями. Сидели, впрочем, и в проходе между партами, подложив под себя сложенную верхнюю одежду. Яблоку, как говорится, негде было упасть. Опоздавшие к началу сеанса подпирали спинами стены, сидели даже на подоконниках.

Я покосился на своего беспокойного соседа. Он смотрел на меня маленькими глазками, простоудушно мигая. Безволосое лицо его пошло вдруг мелкими лучеобразными морщинками. Он улыбался. Улыбка, по-видимому, служила вступлением к разговору.

Но в это время его окликнули с другого конца зала:

– Бойку-наку!

И мой сосед-непоседа поспешил туда чуть ли не по головам и, наверное, всего лишь для того, чтобы пожать руку приятелю.

Я уселся за партой поудобнее.

В конусообразном луче света, падавшем из-за наших спин, возникли виды Сочи.

«То-то крику будет сейчас», – подумал я. Однако, сверх ожидания, в зале было тихо. Зрители недоумевающе молчали. Видимо, деревьев на экране было слишком много. В них нелегко было сразу поверить.

На экране появился пляж, покрытый бронзовыми телами. Мигнула пенная линия прибоя, закачались пальмы, треща плотными, словно бы жестяными листьями. Безо всякого сожаления я подумал о том, что сегодня мог бы лежать под одной из этих пальм.

Кто-то вошел в зал. Я догадался об этом по скрипу двери и недовольному бормотанию зрителей, сидевших сзади.

Замелькали белоснежные санатории, похожие на освещенные солнцем айсберги, вильнуло и помчалось прочь от нас приморское шоссе, обсаженное эвкалиптами.

Запоздавший стал протискиваться к экрану, видимо, ища кого-то, остановился подле нас и произнес шепотом:

– Извините, ваша фамилия Савчук?

– Да! – откликнулся Савчук.

– Мне сказали, что вы спрашивали меня. Я секретарь райкома Аксенов...

Савчук поспешно встал, за ним поднялся и я. Мы поочередно обменялись неловким рукопожатием с Аксеновым, стоя в темноте, рассеченной надвое зыбким лучом. И почти сразу же вспыхнул свет.

3

Аксенов был молодой, невысокого роста, очень быстрый в движениях долган⁴ в черной гимнастерке, туго подпоясанной военным ремнем. Таков, как я заметил, излюбленный костюм большинства районных работников, независимо от того, где живут они – в подмосковной ли Рузе, в заполярном ли Новотундринске.

Савчук представил меня и принялся объяснять цель нашего приезда.

Аксенов внимательно слушал, изредка кивая. Вдруг лицо его оживилось:

– Вы, кажется, сказали о Птице Маук?.. Извините, что прерываю вас... В детстве я слышал об этой Птице. Матери пугали ею ребят. Нечто вроде вашего русского Буки, если хотите.

– Очень ценно!.. Значит, не только у нганасанов, но и у долган... – Савчук принялся вытаскивать из кармана блокнот.

– Да не спешите записывать. Больше, к сожалению, ничего не смогу добавить. Бука и Бука.

– Ну хоть внешний вид! – взмолился этнограф. – Как описывают ее?

Аксенов неопределенно пошевелил пальцами:

– По-моему, этакое чудище. Ни сова, ни гусь, ни куропатка. Ни на одну из птиц не похожа... Урод! Да, именно урод! Помнится, упоминалось слово «урод».

Савчук записал все это в блокнот.

– А насчет людей должен вас, к сожалению, разочаровать, – сказал Аксенов. – Нет в нашем районе других народностей, кроме нганасанов и долган. Мы бы знали.

– Речь, собственно говоря, идет о легендарных людях, – осторожно уточнил Савчук. – Люди из сказки, которые располагаются где-то на севере полуострова, в районе Бырранги.

⁴ На Таймырском полуострове, кроме нганасанов, живут еще долгане.

Аксенов подумал.

– Бырранги? – переспросил он. – Тогда, может, имеете в виду «каменных», то есть горных, людей? У нас много сказок ходит о них. Страна Мертвых – это ведь, наверное, то, что вам нужно?

Он перевел вопросительный взгляд на меня. Я молча пожал плечами. Москва – Нарьян-Мар – Дудинка – Новотундринск – Страна Мертвых! Ну и маршрут!..

Аксенов пригласил нас к себе в райком, где продолжалось обсуждение маршрута. Районные работники теснились у стола, вставляя в разговор свои замечания, давая советы.

– Товарищам потолковать бы с Бульчу, – предложил кто-то.

Вокруг засмеялись. Сам Аксенов снисходительно усмехнулся.

– А я не шутя говорю, – продолжал местный работник, выдвинувший кандидатуру Бульчу. – Поскольку речь зашла о «каменных людях», о Стране Мертвых.

– У нас тут старичок есть один, в прошлом знаменитый охотник, – пояснил Аксенов. – Теперь не охотится, стар стал, только сказки и годится рассказывать. Такую сказку о «каменных людях» сплел!..

– Товарищи из Москвы разберутся в сказках, – стоял на своем упрямый защитник Бульчу. – Если подойти к сказкам научно, с умом, просеять их хорошенько... Так ли я говорю, товарищ?

Савчук утвердительно кивнул.

– И ведь что сплел, подумайте! – сказал Аксенов, улыбаясь. – Будто сам бывал в Стране Мертвых и видел этих «каменных людей»...

– Неужели? – Савчук подался вперед, держа на коленях раскрытый блокнот.

– Охотничьи байки! – пренебрежительно пробормотал кто-то.

– Значит, Бульчу бывал в горах? А когда?

– Лучше его самого расспросите. История долгая... Из-за оспы получилось все. То есть это он объясняет, что из-за оспы...

– Сегодня Бульчу в городе, – подали голос от двери. – Наверное, в школе сидит, на кино.

– Где кино, там и Бульчу наш. Ни одной новой картины не пропустит.

– Да ведь сеанс уже кончился?

– А он все сеансы просиживает подряд.

– Ну так как? – обратился Аксенов к Савчуку. – Пошлем за ним?

– Обязательно! Непременно! Очень просим послать!

В школу за Бульчу отрядили комсомольца.

– Удастся ли только его разговорить? – высказал опасение Аксенов. – Очень, знаете ли, высмеивали его с этими «каменными людьми». Даже прозвище дали: «Человек, который потерял свой след». У нганасанов слово «лжец» или «сумасшедший» не применяется к пожилому человеку. Оно деликатнее как будто получается, но все-таки тоже нехорошо.

– Старик, заметьте, самолюбивый, обидчивый, – вставили из угла.

– Как же, когда-то гремел на весь Таймыр! Лучший охотник был! Его портрет в журнале «Огонек» напечатан.

– Да вы, по-моему, рядом сидели на киносеансе, – повернулся ко мне один из районных работников. – Его еще потом знакомые отозвали.

– Но того человека зовут не Бульчу, а Бойку-наку, – сказал я.

В кабинете Аксенова снова засмеялись.

– Бойку-наку – не имя, а обращение, – объяснили мне. – По-нганасански значит «дедушка».

– Он, он, – подтвердил районный работник. – С виду такой неказистый, маленький, суевливый, лицо с кулачок.

Это, несомненно, был мой сосед по кино, тот самый старик, который визгливо засмеялся, когда белая курица, трепыхая крыльями, взлетела на голову птичнице. От восторга он не мог усидеть на месте и все время ерзал и подскакивал, будто его кололи сзади шилом.

Запахавшийся комсомолец появился в дверях.

– Уехал! – объявил он с порога. – Бульчу уехал! Кино кончилось, он и...

– Догоним! – Савчук вскочил, опрокинув стул.

– Не догоните, – успокоительно сказал Аксенов. – У Бульчу лучшие олени на Таймыре. Эх, жаль, упустили его!.. Теперь по бригадам пойдет кружить, рассказывать родичам о кино. Где родичи у него?

Выяснилось, что родичей у Бульчу полно. Три зятя находятся в таких-то и таких-то зимниках. Еще есть с полдюжины племянников. Тундра велика, а во время зимнего сезона охоты нганасаны живут разбросанно.

– Придется погоняться за ним, – сочувственно сказал Аксенов. – Ай да старик! Сколько хлопот причинил. А то, может, поживете у нас, отдохнете, а мы сами его доставим?

– Нет, догоним, догоним!

– Стоит ли еще хлопотать-то? – пробасил чей-то скептический голос.

Я подумал про себя о том же: старик Бульчу со своими охотничьими байками не вызывал у меня доверия.

Но Савчук настоял на своем.

«Очевидец, очевидец», – бормотал он, размахивая блокнотом в сильнейшем волнении.

Оленей и санки Аксенов пообещал выслать к Дому приезжих. Савчук решил выехать в погоню за Бульчу немедленно.

– А я жду, жду! – радостно встретил нас пилот Жора, поднимаясь от жарко натопленной печки. – Сальца порезал. Консервы открыл. Вот и чаек-коньячок.

– Какой там чаек-коньячок! – ответил я с огорчением. – Уезжаем сейчас.

– Куда? Зачем?

– Нужного человека догонять, – пояснил Савчук, роясь в своих вещах.

– Обиднее всего, – прибавил я сердито, – что человек этот рядом полтора часа сидел. Вот тогда бы его за рукав ухватить!..

Жора, кажется, так и не понял ничего. Мы, впрочем, поужинали (очень вредно отправляться в путь с пустым желудком, сильнее донимает холод), но ели наспех – у крыльца уже раздавались голоса и поскрипывал снег под полозьями санок.

Мороз был изрядный, градусов тридцать. Звезды сияли в черном небе, высокие, яркие, – верный признак, что до оттепели еще далеко.

Под высокими, удивленно глазевшими на нас северными звездами мы помчались на оленях в тундру – вдогонку за сказкой!..

Глава седьмая. Очевидец

1

Нганасанский колхоз «Ленинский путь», членом которого состоял Бульчу, размещается зимой вдоль края леса, на сравнительно большом пространстве. Оленеводческие бригады укрываются за деревьями, где олени меньше страдают от жестоких ветров. Охотничьи же бригады выдвигаются в тундру поближе к пастям-ловушкам и отстоят довольно далеко друг от друга.

Только к утру следующего дня добрались мы до жилья Мантуганы, одного из зятьев Бульчу.

– Здорово, Мантугана, – приветствовал хозяина Савчук, входя в задымленный, тесный чум. – Бульчу здесь?

– Здорово! Был здесь. Утром уехал к племяннику, к Дютадэ...

Этот диалог, с незначительными вариациями, повторялся затем в каждом следующем станке. От Дютадэ беспокойный Бульчу погнал оленей к Накоптэ, от Накоптэ к Бюгоптэ, от Бюгоптэ к Фадаптэ и еще к кому-то. Не терпелось, видно, поделиться увиденным, всем рассказать о диковинных птицах, берущих корм из рук человека, а также о корнях, из которых, оказывается, добывают вкусный белый сахар.

К вечеру мы приблизились к стану последнего зятя Бульчу.

Небо над нами начало темнеть, в воздухе стало еще холоднее, когда комсомолец-нганасан, сопровождавший нас, остановил упряжку и прислушался.

– Олени бегут! – объявил он.

Но как ни оглядывался я по сторонам, как ни напрягал зрение, не видно было ничего. Тундра по-прежнему была пустынна. Я вопросительно посмотрел на комсомольца.

– Закрой глаза, слушай, – приказал он.

Я повиновался. Вскоре до меня донесся далекий топот.

– Тихо у нас, – с удовольствием пояснил комсомолец. – Слышно очень хорошо.

К головным санкам подбежал обеспокоенный Савчук.

– Что случилось? Почему стоим?

– Олени где-то бегут, – ответил я. – Как далеко доходит звук! Как по воде. Ведь еще не видно ничего.

– А сколько оленей? – спросил Савчук комсомольца.

Я удивился:

– Неужели и это узнает на слух?

Комсомолец, в свою очередь, удивился.

– А как же! – сказал он обиженно. – Я не глухой. Два оленя бегут.

Он прислушался, подумал, добавил:

– Это, верно, Бульчу олени. Очень шибко бегут...

Я радостно перевел дух. Наконец-то!

Еще несколько увалов, и вот вдали зачернело пять или шесть чумов. То была бригада Камсэ, старшего зятя Бульчу.

Два рослых красавца оленя, запряженных в санки, стояли подле центрального чума, поводя запавшими боками. Бульчу был здесь.

Пожилой нганасан, по-видимому, его зять, откинул перед нами меховой полог-дверь и церемонно проводил внутрь жилья.

Подле очага, шурясь от дыма, стоял мой бывший сосед по кино. Да, это был он! Морщинистое безбородое лицо его было как бы сжато в кулачок, а глаза напоминали воду, подернутую ледком. Когда он поднял их на меня, я понял, что он очень стар.

Мы чинно у ourselves на шкуры вокруг очага.

Согласно строгому местному этикету не полагается сразу говорить о деле, ради которого приехал. Савчук знал это и соответственно вел себя, сдерживая нетерпение.

Потолковали о колхозных делах, неодобрительно отозвались о погоде, похвалили оленей Бульчу. Затем Камсэ спросил, видели ли мы в Новотундринске Кондтоэ Соймувича Турдагина? (Как вполголоса объяснили мне, это известный общественный деятель и первый нгансан-коммунист. Ни один разговор в тундре не обходится без упоминания его имени.)

Чтобы отплатить хозяевам ответной любезностью, Савчук спросил Камсэ, как учатся его сыновья, внуки присутствующего здесь Бульчу? Старый охотник заулыбался, а Камсэ с достоинством кивнул головой. Спасибо, учатся хорошо. Сейчас они в Дудинке, но к маю возвратятся домой. Ведь в мае предстоит переход на север, к предгорьям Бырранги.

Я не спускал глаз с Бульчу. До сих пор мы с Савчуком имели дело только как бы с косвенными уликами. Сейчас живой свидетель, очевидец сидел перед нами.

– Очевидец! Вы понимаете, как это важно для нас – очевидец? – бормотал Савчук, наваливаясь на мое плечо.

Я помалкивал. Очевидец! Не будет ли он путать и преувеличивать, как обычно делают все очевидцы?

Бульчу по внешнему виду был вполне «эмансипированный» житель тундры. Он имел часы, которые время от времени вынимал из-за пазухи и с глубокомысленным видом подносил к уху. При этом старый охотник многозначительно щелкал крышкой.

Я подумал вначале, что часы испортились. Но выяснилось, что Бульчу просто желает обратить наше внимание на буквы на крышке. Замысловатыми выкрутасами было изображено: «Лучшему охотнику, перевыполнившему план 1928–1929 гг., тов. Бульчу Нерхову».

Вначале Бульчу вел себя с нами сдержанно. Лишь когда кто-либо из домашних спрашивал о виденном в кино, он оживлялся. Совершенно младенческая улыбка открывала тогда его голые десны. Видимо, находился еще под обаянием волшебных образов «снов», промелькнувших на стене.

Тем временем хозяйка, старшая дочь Бульчу, с приличной случаю торжественностью собирала ужин.

Было время, когда голодовки в тундре считались обычным бытовым явлением, особенно весной. По свидетельству дореволюционных исследователей, от голода вымирали целые стойбища.

Теперь это ушло в область преданий.

Советская власть помогла жителям тундры перейти на более высокую ступень материальной культуры. Оказалось, что тундра, которую принято было называть «скупой», тундра, где когда-то голодали юкагиры, чукчи, ненцы, нгансаны, может досыта накормить их всех.

Полно было еды и у наших хозяев.

Они усиленно потчевали нас, пододвигая наперебой лотки с олениной, гусятиной.

По-видимому, я с первого взгляда понравился Бульчу, потому что старый охотник, подсев ко мне и дружелюбно заглядывая в глаза, то и дело пытался сунуть в мою чашку (из отличного фарфора) кусок довольно грязного сала (верх любезности по нгансанским понятиям!).

Чаепитие, которым неизменно завершаются завтрак, обед и ужин, – почти нескончаемая процедура в тундре. Но вот бригадир и его тесть выпили по последнему стакану и, пытаясь, отвалились на шкуры. Посуда была убрана. Хозяева закурили трубки. Можно было переходить к цели нашего посещения.

Савчук начал издали.

– Почтеннейший Бульчу, присутствующий здесь, – сказал он, – знаменитый охотник на Таймыре. Мы много слышали о нем. Ведь даже в журнале «Огонек», который печатается в Москве, помещен его портрет...

Начало было удачным. Старый охотник еще раз показал нам свои десны, зять одобрительно похлопал его по плечу, а дочь поспешно достала из мешочка небольшую фотографию, обведенную химическим карандашом, и подала нам:

– Этот портрет?

– Да, он.

Фотография пошла по рукам. Дольше всех любовался ею сам Бульчу. Он то отодвигал свое изображение на длину вытянутой руки, то приближал вплотную к глазам. Судя по широкой блаженной улыбке, он нравился себе на любом расстоянии.

Но едва лишь Савчук, покончив с этикетом, упомянул о Стране Мертвых, как старик перестал улыбаться и насупился.

Хозяин чума поспешил перевести разговор на охотничьи подвиги своего тестя. В прошлом он действительно был знаменитым охотником. И сейчас помогает мужчинам своего колхоза чем может: мастерит санки, чинит упряжь, плетет сети.

– Даром мяса в колхозе не ем, – с достоинством вставил Бульчу по-русски. – А когда-то добывал по сто двадцать диких оленей в год...

– Наверное, забирался с ними очень далеко, видел много странных вещей, – будто вскользь заметил Савчук. – Говорят, бывал даже в горах Бырранга, там, где никто не бывал.

Зять кашлянул – с запозданием. Бульчу, сердито бормоча себе что-то под нос, принялся выбивать пепел из маленькой деревянной трубки.

– Почему он недоволен расспросами? – спросил я шепотом у комсомольца, сидевшего рядом. – Каждому приятно вспомнить молодость.

– Бойтесь, что будете смеяться над ним, – сказал на ухо наш спутник.

Я удивился. Комсомолец многозначительно прищурился.

Бульчу действительно всячески старался оттянуть угрожавшие ему расспросы. Просто-душно мигая, он принялся рассказывать какую-то историю с гусем, не имевшую никакого отношения к Стране Мертвых.

Беленькие птицы в кино, бравшие из рук женщины корм, напомнили ему гуся в Дудинке. В прошлом году он ездил туда на октябрьские праздники. Очень много удивительного было там, но больше всего удивил его гусь.

Он вышел из подворотни на улицу, увидел Бульчу и, вместо того чтобы убежать, вытянул шею, зашипел и двинулся на него. Бульчу оторопел. Может быть, в этого гуся вселились мстительные души гусей, убитых знаменитым таймырским охотником за всю его долгую жизнь?..

Русский приятель, с которым Бульчу гулял по городу, поспешил подхватить гостя под руку и увлек дальше. Но Бульчу долго еще не мог прийти в себя от изумления. Он то и дело оглядывался через плечо на злобного гуся. Все перевернулось в тундре! Все стало удивительным и непонятным! Подумать только: гусь преследовал охотника!..

Бульчу вопросительно поднял на нас наивные, выцветшие от старости глаза, надеясь, вероятно, что приезжие удовлетворятся этой историей.

Нет, приезжие были неумолимы. С дудинского гуся Савчук ловко свернул разговор на другого гуся, закольцованного, который прилетел с Таймыра в Ленкорань, а сейчас удостоен чести находиться в большом доме в Москве.

– Пусть почтенный Бульчу не тревожится, – сказал этнограф. – Расспрашивать понуждает нас не праздное любопытство, но интересы науки. Приезжие собираются записать сказки нганасанов и поместить их в толстую книгу.

– Сказки, сказки! – Бульчу, смягчившись, закивал головой. Все это было давно, так давно, что порой ему самому кажется сказкой...

Тогда он, по его словам, еще верил в «каменных людей», в духов Бырранги. Сейчас он не может верить в них, потому что видел кино. (Старый охотник с удовольствием выговорил это слово.) Да, он видел его шесть, семь – нет, больше, десять раз!

Бульчу разжал пальцы на обеих руках и гордо показал присутствующим.

Дело, видно, шло на лад. Я устроился поудобнее, приготовясь слушать столь важное для нас свидетельство очевидца...

2

Итак, много лет назад, когда в России еще был царь, в тундру, неслышно шагая, пришла оспа. Люди умирали один за другим. Трупы некому было убирать, собаки облизывали умирающих, и упряжные олени бродили вокруг опустевших чумов.

Однако Бульчу не болел. С утра до вечера пропадал в тундре на охоте, а так как был молод и бегал очень хорошо, то оспа не могла его догнать.

Она явилась к нему во сне. Он увидел женщину с желтыми волосами (так в тундре представляли себе оспу), которая сидела на полу и сердито смотрела на него. Сердце охотника похолодело: она была в черном платье! Если бы платье было красным, у Бульчу могла бы еще быть надежда на выздоровление.

Он закричал и проснулся. Никто не отозвался на его крик. В чуме было темно и тихо. Он повернулся к жене, лежавшей в спальном мешке рядом. Она была мертва и прижимала к груди мертвого ребенка. В углу у потухшего очага так же молча лежал ее брат.

Бульчу встал. Колени его подгибались. Он чувствовал непривычную слабость, шум в ушах. Собаки выли у входа.

Он вышел из чума, поймал самых быстроногих своих оленей и, не оглядываясь, помчался на север. На юг ехать было нельзя. По слухам, лесные люди (долгане) также болели оспой.

Беглец давал роздых оленям только на самое короткое время. Он привязал себя к санкам, чтобы не вывалиться, и ехал, ехал, размахивая хореем, понукая оленей охрипшим голосом, потому что очень боялся гнавшей за ним по пятам болезни.

Рассказчик замолчал и принялся набивать трубку.

– Сюжет довольно банальный, – пробормотал Савчук разочарованно. Потом обернулся ко мне: – В «Записках Российского географического общества по отделению этнографии» за тысяча девятьсот одиннадцатый год приводится сходный вариант. Я знаю, что будет дальше. Появится брат, вернее призрак брата, с изъеденным мышами лицом. «Я не умер, – скажет он. – Я спал». Потом попытается вскочить на санки к Бульчу, чтобы сопровождать в Страну Мертвых...

Я молчал. Бульчу с помощью уголька раскурил наконец свою трубку и кашлянул, давая знать, что хочет продолжать.

Нет, брат с изъеденным мышами лицом не появлялся. Вариант, по-видимому, был иным. Вопреки опасениям Савчука сказка Бульчу не сворачивала на проторенную другими сказками тропу.

Беглец, пугливо озираясь, перевел оленей на лед реки.

Когда перед Бульчу поднялись скалы, он сначала удивился: откуда скалы в тундре? Потом обрадовался: в горах легче спрятаться, чем в открытой тундре.

Скалы стояли перед ним высокие, черные, безмолвные, как стражи, и Бульчу стремглав промчался между ними. Так в непогоду птицы ныряют в щели между камнями.

Ему удалось проникнуть далеко в горы, гораздо дальше, чем проникал кто-нибудь из нганасанов до него. Что-то толкало его все вперед и вперед.

Через два дня один из оленей поскользнулся и сломал ногу. Пришлось его прирезать. Оставшийся олень был вконец измучен непривычной гоньбой и с трудом передвигал ноги.

Охотник надеялся, что сбил болезнь со следа, но решил принять меры предосторожности. Он соскочил с санок, перевел оленя со льда реки на берег и, отгоняя, кольнул в бок хореем. Пусть оспа догоняет пустые санки!

Сам Бульчу поспешно вскарабкался по склону противоположного берега.

Он шел и шел, усмехаясь про себя, представляя, как мечется и злится женщина с желтыми волосами, ища Бульчу между скал.

На третий или четвертый день он попал в узкое ущелье, в котором было очень мало снега.

Пройдя по дну его с полсотни шагов, охотник услышал шорох ветвей над головой. Он вскинул глаза и увидел на склоне несколько лиственниц, между которыми пробивалась высокая ярко-зеленая трава. Рядом цвели кусты шиповника и жимолости.

Бульчу с опаской приблизился к цветам.

Что это за ущелье? Куда он попал?

Голова его пошла кругом. Быть может, охваченный страхом в вымершем стойбище, он повернул оленей не на север, а на юг и очутился в Камне⁵, в преддверии тайги?

Нет, это никак не могло случиться. Тогда Большой Ковш (Большая Медведица) не был бы виден все время над рогами ездовых оленей. Он был бы сзади, за спиной.

Бульчу понял, что очутился не в Камне, не в горах Путорана, а в горах Бырранга.

Сердце охотника похолодело в груди. Стало быть, женщина в черном платье загнала его в Страну Мертвых!

Заповедные места эти, по свидетельству шаманов, располагаются именно в горах, на севере полуострова. Сюда шаманы совершают свои полеты во время камлания, чтобы посоветоваться с духами по различным житейским вопросам.

Бульчу не был шаманом и не знал, как обращаться с духами. Они могли запросто сожрать его, пользуясь его неопытностью.

Между тем по мере того, как охотник углублялся в ущелье (оспы Бульчу боялся больше, чем духов), он убеждался все больше в том, что угодил ненароком в Страну Мертвых, иначе называемую Страной Семи Трав. Приметы совпадали!

В тундре и в горах снег лежал еще толстым слоем. В ущелье его не осталось и в помине, а земля была мягкой и теплой на ощупь.

Все плотнее смыкался лес вокруг. Деревья были высокие, в два или три человеческих роста. Среди лиственниц и елей попадались кюэ – красивые деревья с гладкими белыми стволами.

Вскоре Бульчу нашел моховое болото, обильно поросшее морошкой, голубикой, черникой, княженикой и шикшей. Здесь он спугнул зайца. Еще через несколько шагов из-под ног вылетела куропатка.

Дальше охотник побоялся идти.

В этом странном ущелье он прожил с начала весны до середины лета.

Бульчу охотился на птиц и зайцев. Всего было вдоволь тут, а главное, было тепло, словно бы лето, вопреки всему, что знал охотник, приходило в таймырскую тундру не с юга, из тайги, а с севера, минуя холодное, покрытое льдом море.

Единственно, что было плохо здесь, – это духи. Бульчу очень боялся духов. Правда, они не причиняли ему вреда, однако то и дело в тумане (ущелье большей частью было затянуто туманом) раздавались голоса, обрывки песен и какие-то звуки, похожие на гул шаманского бубна.

Рассказчик снова сделал паузу, чтобы раскурить трубку.

Черт бы побрал эти паузы!

⁵ Так нганасаны называют горный хребет Путорана.

Что касается меня, то я слушал старика с интересом. В его безыскусном повествовании было немало живых, красочных деталей. Кое-что по-настоящему было трогательно. Странно, что Савчуку рассказ не нравился.

Но, может быть, все это уже занесено под соответствующим номером в какой-нибудь этнографический сборник, выделено в нужных местах курсивом, снабжено сносками, вставками, а также учеными комментариями со множеством непонятных терминов?

Я покосился на Савчука. Этнограф сидел, скрестив ноги по-турецки, обиженно оттопырив толстые губы. Раскрытый блокнот празднично лежал у него на коленях.

– Элементарно, Алексей Петрович! – Савчук бурно задышал мне в ухо. – Элементарный шаманский бред! Скитания по тундре, болезнь, волшебные деревья, Страна Мертвых... Прочтите Тана, Попова, наконец, мою брошюру, вышедшую недавно.

Я толкнул его локтем. Старик собирался продолжать.

...Да, духи очень докучали ему в ущелье. Приходилось все время быть начеку, ходить с опаской. Спал Бульчу на дереве, привязывая себя к суку.

Бедняга очутился между двух огней: в горах были духи, в тундре – оспа. Наконец он рассудил, что не век же оспе сторожить его в предгорьях Бырранги. Есть у нее, наверное, и другие дела, помимо этого.

Охотник собрал плавник, лежавший на берегу, соорудил плот и «на спине потока», как он выразился, спустился к Таймырскому озеру.

На другом берегу стояли чумы нганасанов, летовавших, как обычно, в районе озера.

Осенью вместе с ними Бульчу вернулся зимовать к краю леса.

– Где же ты весновал, Бульчу? – спросили у него.

Бульчу без утайки рассказал все, как было.

Шаман (тогда еще в стойбище жил шаман) удивился:

– Ты счастливее, Бульчу! Побывал в Стране Семи Трав и ушел оттуда живым, не будучи шаманом. Видел ли ты духов?

Бульчу сознался, что только издали. Однажды, прячась между скал, он различил в тумане огни костров.

Подходил ли он к кострам?

Нет, боялся подойти. Наоборот, в течение нескольких дней не спускался с дерева, привязываясь на ночь покрепче к ветке, чтобы не свалиться вниз, а затем поспешил покинуть ущелье.

– Ты, понятно, боялся, – снисходительно сказал шаман. – Ты ведь только охотник, невежественный, глупый охотник. Я, например, никогда не боюсь, когда прилетаю в Страну Семи Трав.

– Я не видел тебя там, – простодушно сказал Бульчу.

– Глупец! Я бываю невидим. Если бы ты был шаманом, ты тоже был бы невидим и враждебные тебе духи ничего не могли бы с тобой поделать.

– Один из них едва не попал в меня из лука, – пожаловался Бульчу и сердито сплюнул в костер. – Дурацкая рожа – этот дух! Пустил вдогонку стрелу, когда я проплывал на плоту мимо скал, но стрела утонула в воде.

Шаман сочувственно кивнул.

Вскоре Бульчу женился вторично. Конечно, потеряв своих оленей, он обеднел, но всем было известно, что он остался отличным охотником, и его взяли в семью, – как говорится, «приняли зятем».

Возможно, имела при этом значение и слава путешественника. Каждому было лестно породниться с таким замечательным человеком.

В те годы за Бульчу утвердилось и очень долго сохранялось прозвище, в котором был оттенок почтительного удивления: «Человек, вернувшийся из Страны Семи Трав». Из дальних

стойбищ приезжали взглянуть на Бульчу. Он сидел молча, скрестив ноги и покуривая трубочку, а шаман стоял подле него и давал объяснения.

Однако почетное прозвище впоследствии заменили другим, непочетным. Не хочется повторять его, но придется. Пусть лучше гости услышат его от самого Бульчу, а не от досужих сплетников. «Человек, потерявший свой след» – вот как прозвали Бульчу в тундре! Это было нехорошо. Это было очень обидно... И все же с этим ничего нельзя было поделать!

На Таймыр пришли советские работники и утвердили в тундре новый закон. Молодежь, а за нею и люди постарше начали относиться к словам шамана с недоверием. Слишком много чудес совершалось теперь на глазах у нганасанов, чтобы удивляться рассказам шамана.

Нашлось простое объяснение истории Бульчу.

– Он боялся оспы, – сказали советские работники. – Страх помутил его рассудок.

– А быть может, – добавили другие, – болезнь все же догнала и схватила его. Он был болен, и ему грезились мертвецы, как всякому человеку, который стоит на пороге смерти.

Я обратил внимание на то, что Бульчу рассказывает все медленнее и неохотнее. Подолгу раскуривает трубку, кашляет, делает длинные передышки. О «снах на стене» и о дудинском гусе у него получалось куда живее. То ли старый нганасан устал рассказывать, то ли его смущало выражение лица Савчука.

Этнограф вежливо сдерживал зевоту.

Судя по всему, очевидец не оправдал его надежд. Вот чего я опасался с самого начала!..

Глава восьмая. «Доброе дерево»

1

В чуме было очень дымно. Вдобавок сильно коптила парадная керосиновая лампа, зажженная, по-видимому, по случаю нашего приезда. Мы с Савчуком извинились перед хозяевами и вышли на свежий воздух.

– Чем вам не нравится рассказ Бульчу? – спросил я вполголоса.

– Слишком много подробностей, – ответил Савчук.

– Как? – изумился я.

– Да, слишком много ярких, красочных подробностей. Я поверил бы Бульчу, если бы он говорил о печальном, лишенном растительности ущелье, о каменистых берегах реки, поросших тальником, о снеге в глубоких расщелинах, который не тает даже летом. Это было бы естественно, это было бы правдоподобно. Именно таков пейзаж гор Бырранга, как я его представляю себе. А у Бульчу получается какой-то тундровый рай. Лес, ягодники, полно зверья...

– Преувеличил, понятно. Это можно допустить, но в своей основе...

– Нет, подумайте только: откуда лес? И какой лес?! Деревья в два-три человеческих роста. Вы видели деревья около Новотундринска на краю леса. А ведь Новотундринск расположен намного южнее гор Бырранга. И потом – это горы, горное плато. Поймите: мрачные пространства за семьдесят пятой параллелью, самая северная часть материка! Там нет леса и не может быть!

– Но ведь живут же там или жили люди? Вы сами надеетесь, что «дети солнца»...

– Живут. Однако совсем в других условиях! Мы даже не представляем себе, как им трудно жить! Гораздо труднее, во сто крат труднее, чем жилось нганасанам!.. Обратили внимание, как реагировали нганасаны на виды Сочи в кино? Просто не поверили в Сочи, и все. Слишком много деревьев, слишком высокие деревья, чтобы в них поверить. А Бульчу наворотил бог знает чего! И лес, и густая трава, и теплынь... Какие-то субтропики за полярным кругом!..

– Ну, не субтропики, конечно...

– Хорошо, пусть не субтропики – тайга! Уголок тайги в горах Бырранга! По описанию Бульчу, это типичный пейзаж сибирского леса где-нибудь в Эвенкийском округе, в районе Нижней Тунгуски. Бывали там?

– Нет, не бывал.

– В этих местах странствует Лиза сейчас... Каково? Не семьдесят пятая, а шестидесятая параллель! И впрямь пойдет голова кругом. Где тундра, а где тайга! Где юг, а где север!

Савчук pokrutil головой и сердито фыркнул.

– Все это обычные фантастические узоры шаманских прорицаний, не больше, – продолжал он, уже не стараясь скрыть раздражения. – Ведь лес – настоящий, высокий лес – нечто столь же сказочное и необычное для жителя тундры, как для нас с вами, скажем, чертоги Черномора! Недаром шаманы «летают» в лес во время камлания. Видали когда-нибудь камлание?

– Нет. Никогда.

– Я посмотрелся на него на своем веку... Жуткое зрелище, доложу я вам: не то падучая, не то корчи сумасшедшего. Неистовыми прыжками, кружением на месте доводят себя до одури, до иступления...

– Кажется, применяют настой из ядовитых грибов взамен гашиша или опиума?

– Это на Чукотке. Но, конечно, главный элемент – притворство. Когда зрители уж доведены до накала и сами готовы пуститься в пляс, шаман падает на землю. Подготовка закончена.

Ворочается на земле, хрипит, храпит, словно человек, одолеваемый кошмарами. Пена клубится на губах. Из рта вырываются отрывочные фразы, слова. А сидящие вокруг со страхом и благоговением внимают священному бреду. «Я лечу над тундрой! – выкрикивает шаман. – Птица задела меня по лицу крылом. Я сел на высокое дерево... Я в Стране Мертвых... Духи окружили дерево, на котором сижу... Сейчас начну их вопрошать».

– Стало быть, шаманы совершают как бы служебные полеты в Страну Мертвых?

– Именно служебные. Очень удачно выразились! Это их регулярные командировки к начальству за инструкциями.

Мы посмеялись.

– Ну, представляете себе, – продолжал этнограф, – как изучена в связи с этим топография сказочной Страны Мертвых (она же Страна Семи Трав). Э, да что говорить!..

– Так вы думаете, что те советские работники, которые слушали рассказ Бульчу до нас с вами...

– Бесспорно, отнеслись скептически к нему именно по этой причине.

Но передо мною мерцали простодушные и добрые, выцветшие от старости глаза старого охотника. Я вспомнил, как он сидел у очага, глядя на угольки, устало сгорбившись, и рассказывал – медленно, вяло, с видимой неохотой. Ничего похожего на похвальбу! Он словно бы удивлялся тому, что произошло с ним. Нет, голову готов прозакладывать: все, что угодно, но не обман!

– Не сознательный обман, допускаю, – согласился Савчук. – И на меня Бульчу произвел хорошее впечатление. Значит, сам находится в заблуждении.

– То есть?..

– По-видимому, правы те, кто считает, что болезнь помутила его рассудок. Действительность причудливо переплелась в его голове с рассказами шаманов. Ведь и после выздоровления («возвращения») Бульчу находился долгое время под контролем или опекой шаманов. Они имели возможность «уточнить» подробности «маршрута», подсказать отдельные особенности сказочного пейзажа, так сказать, навести окончательный глянec.

– Жаль! – сказал я в раздумье. – Может, хоть часть из того, о чем говорил Бульчу, соответствует действительности? Например, цветы! В предгорьях Бырранги, говорят, много цветов.

– Правильно. Но когда?.. Когда появляются в тундре цветы?.. Летом. В разгар лета!.. А Бульчу толковал о весне. Да еще, заметьте, о ранней весне! Всюду, по его словам, еще снег лежит, а в сказочном ущелье лето! Цветы, трава и вдобавок земля теплая. Чуть ли не горячая на ощупь!

– Это уж совсем непонятно! Почему же горячая земля?

– Говорю вам: типичные фантастические узоры шаманских прорицаний! Рассчитано на то, чтобы поразить воображение жителей тундры. Тундра – это арктическая степь, так?

– Так.

– Значит, в Стране Семи Трав – лес, деревья, пышная растительность! В тундре – лед, снег, земля заморожена насквозь? Соответственно, в Стране Семи Трав – теплынь, вечное лето, горячая земля!.. Сказочный образ строится по принципу контраста, понимаете?

– Мне бы все-таки хотелось верить Бульчу, – сказал я. – Он как раз из тех людей, которым хочется верить. Уж очень простодушное, честное у него лицо.

– Я бы и сам хотел поверить, – пробормотал Савчук. – Если бы не этот фантастический, ни с чем не сообразный лесной пейзаж, я бы с восторгом поверил в то, что старый охотник в своей молодости бывал среди «детей солнца»...

Одновременно вздохнув, мы повернулись и вошли обратно в чум.

2

Хозяева готовились ко сну. Нам с Савчуком уже постелено было роскошное ложе из оленьих шкур, на котором лежало несколько хороших спальных мешков.

Савчук, сохраняя мрачный вид, принялся стаскивать с себя бакари, меховые сапоги.

Я понимал и в какой-то степени разделял его угнетенное настроение. Выходит: попали не по адресу. Неправдоподобная Страна Семи Трав, где побывал Бульчу, не была, не могла быть той страной, куда стремились мы с Савчуком.

Со всей придирчивостью и строгостью исследователя Савчук рассмотрел историю старого охотника. Да, сказка! Он был готов к тому, что это окажется сказкой. Но в основе сказки часто имеется какой-то реальный житейский факт.

На протяжении целого вечера этнограф старался доискаться до этого факта, терпеливо снимал одну сказочную деталь за другой, отдирали кожуру слой за слоем, пытаясь добраться до ядра. И что же? Орешек, который Бульчу с простодушной улыбкой преподнес нам, не имел сердцевинки, был, увы, пустышкой.

Деревья в три человеческих роста разрушали иллюзию.

Однако мне было жаль и Бульчу. Ведь он не навязывался нам со своей историей. Мы сами пришли к нему, даже гнались за ним.

Был ли обижен старый охотник высказанным ему недоверием? Не знаю. Морщинистое, безволосое лицо его не выражало ничего. Повернувшись к нам боком, он молча устраивал себе постель в углу. Быть может, уже привык к тому, что история его не имеет успеха у русских?

Нганасаны не пользуются подушками – подкладывают вместо них сложенную одежду и обувь. Я удивился, увидев, что старый охотник подкладывает под голову чурбачок, небольшую, странной формы деревянную плашку.

– Зачем плашка? – спросил я Камсэ.

– А у него привычка такая. Очень любит это дерево. Это доброе дерево.

– Вот как!

– Да. Всюду возит с собой. Во время откочевки дерево едет с ним.

– Интересно! Вы слышите, Владимир Осипович?

– Слышу, – отозвался Савчук. Он приподнялся на локте, с любопытством глядя на нехитрое ложе Бульчу.

Оказалось, что старик выстрогал плашку из того плавника, на котором добирался из Страны Мертвых. У него-то был целый плот, несколько стволов, но остальное дерево ушло на топливо.

Савчук присел на корточки подле импровизированной подушки. Бульчу недоумевающе смотрел на него снизу вверх своими простодушными выцветшими глазами.

– Да, странное дерево – пробормотал Савчук. – Судя по древесным волокнам, очень толстое... По-моему, это береза... А какой вышины была она?

Охотник ответил, что дерево лежало наполовину в воде. Тогда, будучи в Стране Мертвых, он не догадался измерить ствол шагами. Некогда было. Надо было поскорее обрубить ветви, связать стволы ремнями, готовить плот для бегства из Страны Мертвых. Но он думает, что это дерево было не ниже других.

– В рост человека?

– Выше. Гораздо выше!

Мы с Савчуком ошеломленно переглянулись.

– Тебе нравится эта красивая плашка? – спросил Бульчу Савчука, снимая локоть с дерева.

– Очень!

Я насторожился. Неужели же он предложит свое «доброе дерево» в подарок?

– Мне тоже нравится, – задумчиво сказал Бульчу. Он медленно высек кресалом огонь, закурил трубку и выпустил огромный клуб дыма.

Мы с нетерпением ждали продолжения.

– Я не могу подарить тебе его, – сказал Бульчу тоном сожаления. – Понимаешь, это было бы нехорошо. Дерево выручило меня в беде... Но хочешь, покажу отмель, где много таких деревьев?

– Отмель? А где эта отмель, Бульчу?

Бульчу поморщился. Вопрос показался ему глупым.

– Конечно, на берегу той реки, по которой я спустился на плоту. Много деревьев лежит на берегах озера, но больше всего плавника на берегу реки.

– А как она называется? Логата? Верхняя Таймыра?

– Я назвал ее Потаден, – сказал Бульчу, посасывая свою трубочку. – Из людей, кроме меня, на ней не бывал никто. Поэтому я назвал эту реку так, как хотел. Потаден, по-моему, не хуже, чем Логата или Верхняя Таймыра...

– Куда же она впадает? То есть в каком именно месте озера?

– В его нижнем углу.

Нганасаны, я уже знал это, называют «низом» северо-восток, «верхом» – юго-запад. Стало быть, Бульчу имел в виду северо-восточный угол озера, вплотную примыкающий к горам Бырранга!

Савчук дрожащими руками торопливо вытащил из полевой сумки карту Таймырского полуострова и развернул ее.

– Но здесь нет никакой реки, – пробормотал он, показывая Бульчу карту.

Бульчу снисходительно отстранил ее, потом присел на корточки и, взяв карандаш, принялся рисовать на листке блокнота, который подал ему Савчук. Движения охотника были быстры и уверенны. В несколько взмахов он изобразил Таймырское озеро, на юг от которого располагалась тундра, а на севере были горы.

– Вот река, – сказал старый охотник. – Она течет с гор. Не широкая, быстрая. Очень бурная. В озеро впадает здесь. В ее верховьях – Страна Мертвых, или Страна Семи Трав, и там живут духи, от которых я убежал на плоту.

Это был лаконичный, но очень точный и ясный язык, почти справка из путеводителя. Мало того: свидетельство Бульчу подкреплялось уцелевшим обломком дерева, березы! Неужели в Стране Семи Трав росли высокие деревья и среди них были даже березы?..

Я и Савчук с изумлением посмотрели друг на друга.

– Значит, действительно оазис, – пробормотал этнограф.

– Получается, что так. Район микроклимата в горах!..

– Но почему там тепло?

– Быть может, рельеф местности? – неуверенно предположил я. – Горы защищают от холодных северных ветров... Вы не бывали на станции Апатиты?

– Нет, а что?

– Там значительно теплее, чем вообще в Хибинских горах...

– Ну, на Кавказе есть более разительные контрасты. В одном ущелье несколько климатических микрорайонов. В низине – один, на гребне горы – другой, на солнечном склоне – третий, на теневом склоне – четвертый.

– Вряд ли можно назвать это микроклиматом. Но в ущелье Бульчу... Обратили внимание на то, что он сказал о теплой земле?

– Горячей или теплой на ощупь земле.

– Вот именно! Для существования района микроклимата одного лишь рельефа маловато. Ведь там лес, трава... Стало быть, существует подогрев снизу. Подогрев, подогрев... Что бы это могло быть?..

Я задумался.

– Рано строить гипотезы, Алексей Петрович, даже рабочие, – сказал Савчук, – в руках у нас слишком мало фактов.

– Но главное пока не это. Рельеф местности, подогрев, тысячи причин... Главное то, что ущелье Бульчу не выдуманно, а реально существует!

– Да, видимо, так. Мы не только услышали показания очевидца, но и наткнулись на вещественное доказательство.

– А вы сомневались, колебались! – не удержался я от упрека. – Подробности казались вам чересчур живописными, яркими, видите ли!

– Теперь все ясно, ясно! – объявил Савчук, садясь на приготовленную для него постель и в волнении снова вставая с нее. – Незачем рыскать в верховьях Логаты, Верхней Таймыры, Ленивой. Эти реки сбрасываются со счетов! Есть река, не показанная на карте. Надо лишь дойти до ее устья, а затем подняться к верховьям, и...

– Сядьте, Владимир Осипович, – попросил я. – Вот что мне пришло в голову. Договоримся с Бульчу, попросим довести до верховьев реки. Ведь он бывал там. А? Что, если проводником его? Как он? Дойдет?

Савчук окинул Бульчу критическим взглядом:

– Где ему!... Стар, слаб...

– Стар, стар, – поддержали Камсэ и его жена.

Но они недооценили старого охотника.

Есть такие игрушечные чертики, которые выскакивают из коробки, чуть надавишь скрытую внутри пружинку. Что-то в этом роде произошло с Бульчу. Он сразу же распрямился, вскинул голову, развернул плечи.

– Я проводник! Я! – сказал он, ударяя себя в грудь.

Камсэ продолжал с сомнением покачивать головой.

– Дорога трудная, – сказал он. – Горы, реки... Подумай: дойдешь ли, доведешь ли?..

– Был там, – сказал Бульчу коротко.

– Тогда был молод, силен. Потом очень боялся оспы...

Бульчу рассердился. Маленькое лицо его сморщилось еще больше, глаза злобно сверкнули. Он молча ткнул зятя сухощавым кулачком в бок. Тот не ожидал нападения и повалился от толчка.

Это развеселило Бульчу. Визгливо смеясь, он вскочил на ноги, схватил ружье и щелкнул курком, показывая, что стреляет. Потом прошелся мимо нас какой-то странной, скользящей походкой, как бы крадучись, остановился, пробормотал: «Там» – и приложил руку щитком ко лбу, будто всматриваясь в даль.

Эта мимическая сцена показалась мне очень убедительной.

Ведь мы были первыми людьми, которые отнеслись с доверием к Бульчу. Поэтому ему хотелось услужить нам. Мало того: старый охотник был самолюбив, а сейчас представлялась возможность вернуть себе утраченное уважение соплеменников, избавиться наконец от унижительного прозвища – «Человек, который потерял свой след».

– С председателем надо поговорить, – сказал Камсэ, нерешительно глядя на тестя. – Что еще правление колхоза скажет...

– Отпустит! – вскричал старый охотник. – Для такого дела, увидишь, отпустит! Надо же приедем товарищам помочь.

– Ну что ж! По рукам, Бульчу? – улыбнулся Савчук и, размахнувшись, шлепнул охотника по ладони, скрепляя сделку традиционным жестом.

3

В середине ночи я выбрался из чума, чтобы подышать свежим воздухом.

Небо над головой было озарено призрачными огнями северного сияния. Здесь, в центре снежной пустыни, оно навевало страх. Кругом мертвенная тишина, ветра нет и лишь причудливые бледно-красные отсветы медленно растекаются по небу, как зарево каких-то фантастических пожаров.

Закинув голову, я думал о том, что каждое явление природы предстает совершенно иным с разных точек зрения. Для художника северное сияние – красивое, грандиозное зрелище. Для магнитолога – это след электромагнитных бурь в верхних слоях атмосферы. И наконец, для этнографа – это неопровержимое доказательство того, что юкагиры – самый древний народ на Крайнем Севере, потому что другие народы называют северное сияние «юкагирским огнем».

Я прошелся перед чумом. Снег скрипел под ногами. Морозило. Было, наверное, тридцать – тридцать пять градусов, не меньше.

Мне не спалось: слишком взволновал рассказ старого охотника.

Северное сияние стало постепенно тускнеть и гаснуть. Вскоре оно исчезло совсем. Черное, очень глубокое, звездное небо выгнулось над головой.

Я загляделся на звезды. «Быть может, – думал я, – и Петр Арианович смотрит сейчас на них. Как елочные украшения, висят они над его головой в раскидистых ветвях деревьев».

Но откуда деревья в горах Бырранга?..

Неожиданно раздалось нечто вроде аккомпанемента моим мыслям, иначе не могу этого назвать: послышался явственный шорох снега, падающего с деревьев.

Каждый, кто бывал зимой в лесу, слышал подобный шорох. Его вызывает ветер, раскачивающий деревья и сбрасывающий лежащие на ветках хлопья. Иногда сухой снег падает и сам, от собственной тяжести.

Я оглянулся. Черт возьми! Но тут нет деревьев! Тундра вокруг – безлесная арктическая степь. Снежные холмы, подобные дюнам, тянутся на юг, на север, на восток и на запад. До ближайшего дерева в Новотундринске, наверное, километров двадцать, если не больше.

Между тем шорох медленно осыпающегося с веток снега продолжался. Стоило закрыть глаза, чтобы ощутить себя в зимнем дремучем лесу.

Лес в горах Бырранга?.. Мерещится он мне, что ли?..

И вдруг мне стало стыдно своего волнения.

То, что напугало меня, было не чем иным, как миражем – только не зрительным, а слуховым! Это мое собственное дыхание замерзло на морозе – явление, обычное на Крайнем Севере, описанное уже не раз.

Якуты поэтически называют его «шепот звезд», потому что странный шорох раздается только в ясные звездные ночи. Я просто забыл об этом явлении, отдавшись своим мыслям.

– Спать, спать, Алексей Петрович, – окликнул меня из чума Савчук. – Утром обратно в Новотундринск! Заказывать лодки! Снаряжать экспедицию!..

Глава девятая. В краю миражей

1

Но, вернувшись в Новотундринск, я настоял на том, чтобы сделать попытку проникнуть в оазис с воздуха.

Шансов на успех было очень мало – знал это. Весной на Таймыре погода ненадежная, туманы то и дело закрывают тундру. Можно не раз и не два слетать в горы и не увидеть ничего. Однако слишком соблазнительной была мысль сразу же, «без пересадки», попасть в страну сказки, к «детям солнца».

Бравый пилот Жора, еще в Нарьян-Маре поверивший в то, что записку на бересте написал Ветлугин, с восторгом включился в поиски. В течение первой половины апреля совершено было четыре полета над горами Бырранга. Мы с Савчуком летели в походном обмундировании, с запасом продовольствия – на случай, если обнаружим в районе местопребывания «детей солнца» подходящую площадку, на которой мог бы сесть самолет.

Но нам не удалось найти ни «детей солнца», ни посадочных площадок. Самолет как бы плыл над волнующейся серой пучиной. Изредка в тумане появлялись разрывы, ямы, на дне которых неясно чернели и белели пятна неправильной формы – скалы и снег. Это было все, что нам удалось увидеть.

– Я так и знал, – сказал Аксенов, когда мы, иззябшие, усталые, огорченные, ввалились к нему в кабинет после четвертой неудачной попытки. – С воздуха ущелье искать! Что вы, товарищи! Ведь Бырранга – это целая горная страна!

– Летали только над юго-восточным ее углом, – мрачно сказал я. – Не было бы этого тумана, мы бы, я уверен...

Жора бодро кашлянул в знак согласия.

– На ощупь! С самого начала говорил: только на ощупь! – объявил Савчук, кладя на стол планшет с картой и устало опускаясь в кресло. – Мы ничего не увидим с воздуха. Нет, в горы надо проникать по реке, о которой рассказывал Бульчу.

– Уйму времени займет, – пробормотал я.

– А вы как думали? Раз, два – и готово? С ходу? Не получается с ходу! Я думаю так. Лодки отправим с нганасанами на санках. Ведь нганасаны откочевывают к озеру в начале мая? – повернулся он к Аксенову.

– Да, в первых числах.

– Ну вот. К озеру доберутся в середине июня.

– Может быть, даже раньше.

– Еще лучше! К тому времени вскрыется река, о которой толковал Бульчу. Нас подбрасывают к озеру на самолете. Мы находим ее устье, потом пересаживаемся в лодки, грузим на них свой скарб и поднимаемся вверх по течению. В записке сказано: «Верховья реки».

– Что же до июня делать? – спросил я с огорчением.

– Ну, наберитесь терпения, Алексей Петрович. Гуляйте по Новотундринску, изучайте быт, нравы. Мне-то здесь работа найдется. А вы, в крайности, поскучаете месяц-другой.

– Хуже нет – ждать, поджидать!..

– А зачем ждать? – спросил Аксенов. – Отправляйтесь вместе с нганасанами. По дороге будете изучать легенды о «детях солнца», о Птице Маук (она же Ньюгу). Легендами будете выверять свой маршрут. Ведь это тоже нужно вам?

– Обязательно!

– Ну вот и поезжайте! Зачем, на самом деле, сидеть и томиться в Новотундринске?

– Только бы устье поскорей найти, – сказал Савчук. – А там маршрут ясен. Все по реке да по реке, вплоть до самых ее верховьев.

– А если притоки?

– Приметы помню, – торопливо вставил Бульчу, который переселился в Новотундринск и неизменно каждый раз сопровождал нас к Аксенову в лучшем своем, праздничном наряде. – Берег в одном месте осыпался, обрыв. В другом, где поворот, два каменных человека⁶ сторожат. Как тебя, вижу их сейчас!

– А устье сразу найдешь? – усомнился Савчук. – Река-то ведь неизвестная, не нанесена на карту.

– Правильно. Тут-то и придется еще раз прибегнуть к помощи самолета, – заключил Аксенов.

Уговорились, что самолет будет выслан к озеру по первому нашему требованию.

– Обеспечим, не беспокойтесь, – заверил Аксенов на прощание. – Сделаем все, что только в наших силах. А силы у нас не маленькие, – улыбнулся он. И добавил: – Нелегко, конечно, придется в горах. Но, грешный человек, завидую вам!

– Почему?

– Ну как же! Путешествие в Страну Сказки. В сказку – подумать только!.. Интересно: какая она, эта сказка, если на нее взглянуть вблизи?..

2

В тундре все подчинено строгому ритму весенних и осенних откочевов.

Весной колышущаяся серая волна (стада диких оленей, а следом за ними и стада домашних, перегоняемые нганасанами) отливает от границы леса и катится на север, через всю тундру, к берегам озера Таймыр, которое раскинулось в предгорьях Бырранги. Осенью волна катится в обратном направлении, чтобы к октябрю – ноябрю снова прихлынуть к границе леса. Да, отлив и прилив!

Что заставляет оленей уходить на север весной? Гнус. Он выживает их из тундры на лето. В предгорьях Бырранги гораздо прохладнее, чем в тундре, с моря дует свежий ветер, который отгоняет проклятую мошкарку.

Что заставляет оленей возвращаться на юг осенью? Бескормица. Трава и верхушки ползучей ивы – прекрасный летний корм – уже исчезают в конце августа. Кроме того, легкий сквознячок, который приятно освежал летом, превращается в леденящий, пронизывающий ветер. А олени очень не любят холодного ветра.

Пути передвижения оленей неизменны. По этим же путям, по которым ходили многие поколения оленей, откочевывали и нганасаны.

Апрель и начало мая – это весенняя пауза в тундре. Колхозники готовятся к летней страде: чинят упряжь, проверяют охотничий припас, рыболовные снасти. Всеми владеет нетерпение: скоро ли в путь, скоро ли?!

Мы с Савчуком получили некоторую душевную разрядку в связи с большой первомайской радиоперекличкой, устроенной Академией наук в самый канун праздника. Один за другим выходили в эфир начальники научно-исследовательских экспедиций, которые уже работали или готовились начать работу этим летом.

Я надеялся услышать по радио звонкий голос Лизы. Но из Эвенкийского округа донесся угрюмо-рокочущий бас какого-то геолога-угольщика. Он сообщил, что возглавляемая им группа заканчивает обследование пластов угля, выгоревших в результате подземного пожара, –

⁶ Скалы, напоминающие по своим очертаниям человека.

списывает эти пласты из угольного баланса СССР. По интонации голоса легко было догадаться, что геологу чрезвычайно жаль их списывать. О Лизе, о ее работе не было сказано ни слова.

Мне хотелось услышать также весточку от Андрея Звонкова. Однако он не участвовал в перекличке.

Под конец выступил Савчук. Рапорт его, подготовленный заранее, был краток, даже сухо-ват. Сообщалось о записке, которую доставил в Ленкорань дикий гусь. Упоминалась фамилия Ветлугина. Главная часть рапорта была посвящена изложению рассказа Бульчу, будущего нашего проводника, то есть описанию сказочной Страны Семи Трав, где предполагалось местонахождение «детей солнца».

В то время мы не придали большого значения участию нашей маленькой группы в праздничной радиоперекличке. Впоследствии же оказалось, что перекличка в эфире сыграла значительную роль в ходе этнографической экспедиции Савчука.

Его выступление по радио в канун Первого мая слышали Андрей на мысе Челюскин и Лиза на реке Виви. Каждый из них нашел нечто особо важное для себя в сообщении о «детях солнца», о Ветлугине и о высоких деревьях за полярным кругом. Вслед за тем мои друзья также включились в поиски.

Но весной в Новотундринске мы, повторяю, не подозревали об этом. Были целиком заняты подготовкой к экспедиции, поглощены ожиданием того дня, когда, наконец, нганасаны двинутся к горам Бырранга.

И вот долгожданный день наступил! Народ ня – несколько сотен человек – снялся с места и двинулся на северо-восток, к горам Бырранга, отгоняя туда стада своих оленей⁷.

Колхозники двигаются со своими стадами не сплошной лавиной, а ручейками – аргишами, то есть оленьими караванами. В одном из аргишей – его возглавляет бригадир Камсэ, старший зять Бульчу, – находимся и мы с Савчуком, а за нашими санками следуют две пары санок, на которые погружены небольшие плоскодонные лодки.

Тундра, тундра! Пересекаем ее холодные снежные пространства, возвещая всем о приближении весны, немного отстав от диких северных оленей (это наш авангард), но зато опережая перелетных птиц, которые явятся позже из Ленкорани, Ирана, Индии.

Облако снега летит навстречу. Санки швыряет, как лодку на волнах. Вершины холмов сверкают вдали, словно облитые глазурью куличи. Тундра искрится, пылает, светится, разбрасывает во все стороны мириады колючих лучиков.

Но это не страшно нам.

По примеру своих спутников я и Савчук нацепили на нос очки, предохраняющие от снежной слепоты. Только они не медные и не деревянные, с прорезанной узкой щелкой, как у нганасанов, а обыкновенные дымчатые очки-консервы, – в них мы сразу стали похожи на больных, подвергаемых облучению кварцем.

Как всегда в путешествии, донимают мелкие дорожные неприятности: толчки на ухабах, снежная пыль, летящая в лицо, а главное – холод, холод, несущийся от земли и от неба, прокрадывающийся к самому сердцу через толстый слой фуфаяк и свитеров. На Крайнем Севере холод ни на минуту не дает забыть о себе.

Сегодня десятое мая. Подумать только!

В Сочи, наверное, купаются. Да что Сочи!.. В Москве, я уверен, уже разгуливают в рубашках с отложным воротником и в парусиновых туфлях, которые так белы, что хочется, идя по улице, разуться и бережно нести их в руках.

А здесь?

⁷ В описываемое время колхозники-нганасаны еще кочевали.

Вот описание моего майского наряда. Перечисляю все, что надето на мне: две пары шерстяных носков, оленьи чулки, бакари, теплое белье, штаны из пыжика, два свитера, парка. И все это увенчивается пыжиковой шапкой с развевающимися по ветру длинными ушами!

Мало того – лицо у меня закутано шарфом до глаз, как у восточных женщин. Точно так же одет и Савчук. Это дает мне основание называть его на привалах гурией пророка или любимой женой падишаха. Он не обижается. Он вообще не из обидчивых.

Стоит поглядеть на него, когда он во всех своих ста одежках срывается с санок и, чтобы согреться, сопровождает их некоторое время неуклюжей бодрой рысцой.

На моих глазах совершилось чудесное превращение. Передо мною совсем не тот человек, который разгуливал по Москве в архиерейских ботах с застегками и жаловался на неотвязный грипп. Это бывалый путешественник. Он умеет запрячь и распрячь ездовых оленей. Умеет разжечь костер, причем всего лишь одной спичкой, что, уверяю вас, не так-то просто.

О, мало ли что умеет делать Савчук!

У некоторых путешественников я замечал желание удивить, испугать тундрой. Но ведь трудности путешествия по тундре складываются из мелочей. И чтобы преодолеть их, нужно ясно видеть перед собой цель, а кроме того, иметь неисчерпаемые запасы терпения, обладать талантом добродушного, веселого и скромного терпения, которым так богат наш русский народ.

Савчук обладал этим талантом в высшей степени.

Такие вот мешковатые увальни, несколько застенчивые и немногословные, как будто даже нерешительные, на поверку оказываются по-настоящему храбрыми людьми – не раз наблюдал это в Арктике. (Терпеть не могу так называемых морячил – молодцов с франтовскими бачками и рассчитанно-небрежными движениями. Бравыми они остаются только за столом, уставленным бутылками.)

Впервые меня удивил Савчук еще на московском аэродроме, когда мы грузили в самолет мешки с сушками. Я подумал сначала, что это сухари, так сильно скрипели они в мешках.

– Сухари?

– Нет, – ответил этнограф.

– Что же это?

– Московские сушки.

– Вот как?

– Сушки лучше, практичнее, – пояснил Савчук. – На Крайнем Севере их называют «хлебными консервами». Да вы сами, наверное, знаете.

– Конечно, знаю, – сказал я, с интересом присматриваясь к своему спутнику. – Но, представьте, не знал, что вы знаете...

В тундре я окончательно убедился в том, что мой спутник разбирается не только в архивных документах. Сидень, кабинетный ученый? Как бы не так!

3

Савчук трудился не покладая рук. Без усталости расспрашивал он нганасанов о событиях, происшедших в тундре до революции, поскольку это могло иметь значение для уточнения нашего маршрута.

Впрочем, наши спутники не любили рассказывать о прошлом.

– Многое бывало в тундре, – говорили они, пожимая плечами и отворачиваясь. – Оспа была. Голод был. Бедно жили... Зачем вспоминать о плохом? Давно было, очень давно...

Уцепившись за слово «давно», Савчук со свойственной ему осторожной настойчивостью возобновлял расспросы насчет того, что же было давно.

По его словам, он «поднимал этнографические пласты».

Копать приходилось вглубь.

Старое необычайно быстро отмирает в тундре. Здесь за последнее время появилось множество новых понятий, новых явлений, новых обычаев. (Одно кино чего стоит!) Изменения в быту, в сознании людей в связи с социалистическим строительством также служили предметом этнографии и не могли не интересовать Савчука, но сейчас, по его словам, были нам «не по пути», уводили от цели.

Однажды вечером мы наблюдали «вырождение обряда», как выразился этнограф. Речь шла, кажется, о заклинании дурной погоды, пурги, которая могла бы помешать своевременной откочевке нганасанов.

Все выглядело буднично и скучно. Два старичка в парадной обнове – оранжевых резиновых калошах, купленных незадолго перед откочевкой в новотундринском кооперативе, присев на корточки, колдовали у костра. Это было, так сказать, походное колдовство, на скорую руку, без шамана, без бубна и традиционной пляски.

Савчук присоединился к старичкам, долго толковал о чем-то, потом ушел недовольный.

– Парадоксально, но факт, – пожаловался он. – Оказывается, я лучше знаю их обряды, чем они сами.

– Вы специально обучались этому в университете, – заметил я шутливо.

– Нет, я серьезно... Старинный обряд заклинания ветра очень интересный. Подробно описан мною в моей книжке о нганасанах. Я впервые наблюдал его в 1926 году на реке Боганиде.

– Зачем же снова наблюдали?

– Думал найти вариант. Нет, не то, не то! Какие-то обрывки, клочки. Напутано, перезабыто...

Огорчение его было так комично, что я засмеялся.

– Вы чего? – удивился Савчук.

– Уж не жалеете ли об этом?

– Жалею?... – Он хотел было рассердиться, но раздумал и улыбнулся. – Выглядит, конечно, смешно. Понимаете ли, это радует меня как советского человека. Очень радует, уверяю вас. Но как этнографа, признаюсь... – Он вытащил из кармана объемистый блокнот и, быстро перелистав, показал незаполненные белые страницы: – Отстаем, безбожно отстаем! Мы, этнографы, не можем угнаться за временем. Старые обряды, приметы суеверия исчезают чрезвычайно быстро. Вы сами видите. Просто не успеваешь записать, изучить. А ведь это нужно, важно для науки!

Я взял огорченного этнографа под руку и увлек в сторону от костра, подле которого два старичка в резиновых калошах продолжали заклинание ветра «не по правилам», как сказал Савчук.

Из ближайшего к нам чума Мантуганы, родственника Бульчу, донеслись звуки патефона. Я решил, что это должно развлечь Савчука.

Нас встретили приветственными возгласами и усадили на почетном месте. Пока Савчук, по традиции, неторопливо расспрашивал о здоровье хозяев и о здоровье их оленей, я присматривался к сидящим у очага нганасанам.

По внешнему виду они напоминали североамериканских индейцев: те же орлиные носы, высокие скулы, сухощавая гибкая фигура, какая-то прирожденная спокойная величавость в движениях.

Попыхивая трубочками, гости сосредоточенно слушали патефон.

Сам Мантугана с озабоченным видом вертел ручку и менял пластинки.

Подбор пластинок оказался самым пестрым. Странно было здесь, за семидесятой параллелью, в чуме кочевников, слышать соловьиные трели Барсовой или лихие переборы баянов,

аккомпанирующих хору имени Пятницкого. Слушатели мерно раскачивались в такт, а Бульчу, сидевший у самого патефона, даже жмурился от удовольствия.

На мгновение все это показалось мне нереальным. Неужели я на Таймыре? Неужели эти люди у очага – самый северный народ в Европе и Азии? Неужели за кожаными стенами чума – тундра?..

Но в щели между оленьими шкурами проникали острые струйки холода. Пламя костра освещало закопченный чум. Во время коротких пауз, пока Мантугана ставил новую пластинку и старший сын его, присевший рядом на корточки, умильно посматривал на отца: не разрешит ли хоть разок крутнуть ручку патефона, – снаружи раздавался осторожный шорох. Это дышали ездовые олени, подойдя к жилищу вплотную.

Да, я находился в тундре, а самый северный народ в Европе и Азии коротал вечерок на привале, с тем чтобы возобновить наутро откочевку на север, двигаясь с наивозможной поспешностью, будто спасаясь от погони.

4

Погоня? Но ведь это и впрямь можно было назвать погоней.

С приближением тепла с юга из тайги надвигается на тундру страшный враг всего живого – гнус!

По праву называют его «вампиром Крайнего Севера». Мириады омерзительной злобной мошкеры в начале лета с въедливым звоном поднимаются в воздух, идут сплошной колышущейся стеной, падают в пищу, набиваются в уши, глаза, ноздри, волосы, выискивая уязвимые места, прорехи в одежде, пролезая сквозь щели в чуме. Людью овладевает неистовство. Зуд делается нестерпимым. Искусанные губы опухают так, что трудно открыть рот. Лицо превращается в какое-то странное подобие подушки.

Знаменитый естествоиспытатель Гумбольдт, вспоминая о гнусе, заявлял, что предпочитает сибирским болотам даже удушливые тропические берега Ориноко.

Спасение от гнуса только в быстром движении и в дыме костров.

Донимают также слепни.

Правда, олень, по словам Бульчу, иногда играет с ними «в прятки».

Старик показывал это в лицах, оживленно жестикулируя:

– Слепни гонят дикого (оленя). Он бежит от них прямо, вот так... Потом сразу круто повернул в сторону, спрятался за большой камень! – Бульчу рухнул как подкошенный, втянул голову в плечи. – Слепни – дураки! Потеряли оленя, летят дальше, ничего не понимают. А олень лежит за камнем и смеется, хитрый!.. – Бульчу растянул в широкой улыбке свое морщинистое безбородое лицо.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.